

ОТРАЖЕНИЯ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Отражения после полуночи

«Автор»

2026

Лунцева А.

Отражения после полуночи / А. Лунцева — «Автор», 2026

Ночной курьер Нора Вель доставляет живым последние отражения умерших — короткие добровольно записанные мгновения, в которых нельзя требовать больше обещанного. Но кто-то научился вскрывать оболочки через городскую сеть света и подменять память лицами, собранными из желаний адресатов. След ведёт Нору на Биржу отделившихся теней, где за утешительный ответ платят собственным секретом. Остановить торговлю может инспектор Арден Рей, чья тень уже однажды предала его, — если Нора решится доверить ему маршрут, а он научится ограничивать власть не только словами. Когда весь Лиор готовится погасить фонари в День памяти, Норе предлагают спасти город ценой полного собственного отражения. Ей предстоит доказать, что чужое горе не становится разрешением на обман, а близость — правом открыть всё.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Доставка в четыре минуты	6
Глава 2. Лишнее лицо	11
Глава 3. Инспектор без тени	18
Глава 4. Посылка, пришедшая дважды	25
Глава 5. Белый свет, чёрный рынок	31
Глава 6. Договор на одну ночь	38
Глава 7. Чужой вопрос	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Лунцева

Отражения после полуночи

От автора

Мы храним лица ушедших в памяти, на бумаге, в случайном отражении окна — и порой хотим спросить у них то, чего не успели. Эта история начинается там, где такое желание стало ремеслом, законом и опасным товаром.

Отражения в книге не заменяют людей. Они сохраняют лишь один добровольно оставленный миг и потому требуют осторожности не меньше, чем живое доверие. Ночные курьеры умеют донести хрупкий след до адресата, но даже самое точное ремесло не отвечает за другого человека на вопрос: что ему позволено узнать.

Это роман о границах памяти, о цене секретов и о близости, которая не требует полного доступа. Пусть дорога Норы напомнит: уважение к чужому «нельзя» не мешает связи — иногда именно оно делает встречу возможной.

Глава 1. Доставка в четыре минуты

В Лиоре не любили опаздывающих покойников.

Живому ещё можно было простить неверно рассчитанный мост, сломанный трамвай или внезапный дождь. Отражению — нет. Оно приходило один раз, открывалось на отпущенный срок и не умело ждать, пока адресат соберётся с духом. Если на квитанции стояло «с 23:56 до 00:00», в пятьдесят пятую минуту я должна была быть у двери, в пятьдесят шестую — проверить имя, а после полуночи от содержимого оставалась холодная серебряная муть.

До дома Леи Мор мне оставалось сорок семь ступеней и две минуты.

Я знала это не по часам. Курьер, который смотрит на циферблат чаще, чем под ноги, однажды обязательно разобьёт чью-нибудь последнюю встречу о мостовую. Время лежало у меня в теле: тридцать два удара сердца до площадки, короткий вдох у окна, ещё пятнадцать до четвёртого этажа. Футляр покоился в сумке между войлочными прокладками. Узкий, размером с книгу, он не весил почти ничего, но левое плечо всё равно ныло так, будто я несла самого Орана Мора со всеми его несказанными словами.

Над лестничным колодцем горели обязательные белые фонари. Свет падал прямо сверху, обрезая тени под каблуками до тонких серых подошв. Хороший дом, подумала я. Управляющий не экономит на безопасности.

На третьей площадке мысль пришлось забрать обратно.

За окном вспыхнула реклама ночной прачечной: клюквенно-красная рубашка закружилась в стеклянном барабане, и боковой луч полоснул лестницу. Перила вытянулись по стене чёрными рёбрами. Моя тень рванулась в сторону, стала длинной, но осталась привязана к ногам. А выше, у двери четвёртого этажа, поднялось второе пятно.

У него не было человека.

Оно стояло плоско на стене, чуть наклонив голову, и было слишком плотным для случайного затемнения. Вытянутая рука касалась дверного косяка квартиры Леи Мор.

— Поздно работаешь, — произнесла тень.

Голоса у отделившихся теней получались не из воздуха. Они складывали слова из мелких звуков дома: щелчка трубы, шороха занавески, скрипа ступени под моей ногой. Поэтому каждая фраза звучала так, словно здание разговаривало во сне.

Я остановилась ниже пятна. Не от страха — страх тени не читали. Им было нужно другое: секрет, который человек сознательно удерживал под направленным светом. Стоило подумать «только бы она не узнала», и ты уже выставял товар на прилавок.

— А ты без разрешения, — ответила я.

— Разрешения нужны людям с печатями.

— И людям с метлой. Через минуту здесь будет управляющий.

Тень шевельнула пальцами на косяке. За дверью кто-то тяжело прошёл по комнате и замер. Лея ждала. Вероятно, стояла у глазка и слышала наш разговор.

— Вдова хранит кое-что от мужа, — прошелестел дом. — Не во футляре.

Я не посмотрела на дверь. Вот так они и работали: называли край тайны, заставляя тебя достроить середину. Если бы я начала гадать, что именно скрывает Лея, я помогла бы тени нащупать её мысль.

Вместо этого сняла с пояса складной гаситель, раскрыла чёрные створки и подняла их к окну. Рекламный луч не погас — я не имела права ломать чужую вывеску, — но рассыпался на матовой ткани. Чёрные рёбра перил растаяли. Моя тень снова собралась под подошвами.

Чужое пятно на стене истончилось.

— Курьер Вель, — сказала оно уже тише. — Ты тоже несёшь не всё, что получила.

Я захлопнула створки.

На площадке остался только ровный белый свет.

Сорок одна секунда.

Я поднялась, повернула футлярную сумку пломбой к глазку и позвонила дважды: коротко, затем длинно. Дверь открылась сразу. Лея Мор была невысокой женщиной лет шестидесяти, в тёмном платье с застёгнутыми до запястий рукавами. В одной руке она сжимала домашний фонарь. Его заслонка была закрыта, как требовали правила. Другой рукой она держала край двери.

— Назовите себя, не глядя на квитанцию.

— Лея Мор, урождённая Сай.

— Назовите отправителя.

Её губы дрогнули.

— Оран Мор. Мой муж.

— Назовите право окончания.

— Я могу прервать след и приказать уничтожить его до истечения срока.

Это было важнее любого ласкового воспоминания. Мёртвый выбирал, что оставить. Живой выбирал, выдерживать ли встречу.

Я сверила ответы с наружной полосой разрешения и вошла. До окна открытия оставалось девять секунд.

Комната была подготовлена правильно: занавеси задёрнуты, зеркала накрыты серой тканью, свечей нет. На столе стояла чашка с нетронутым чаем и лежал мужской медный ключ. Лея заметила мой взгляд и быстро накрыла ключ ладонью.

Тень на лестнице всё-таки успела задеть её мысль.

— Боковой свет был? — спросила она.

— Был. Сейчас перекрыт. После доставки вызовите управляющего и не подходите к окну, пока рекламу не отключат.

— Оно что-нибудь сказало?

— Спросите об этом живого свидетеля, если захотите. Я здесь не для передачи слов тени.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда хорошо работаю.

Последний удар внутреннего счёта совпал с тихим звоном футляра.

— Начинаем.

Я поставила сумку на стол, показала Лее целую пломбу артели — серый воск с отпечатком закрытого глаза — и дождалась её кивка. Затем разрежала внешний шнур. Внутри лежал зеркальный футляр в синей коже. На крышке светились четыре строки:

Адресат: Лея Мор.

Срок: четыре минуты.

Допустимый вопрос: «Где ты хотел, чтобы я посадила рябину?»

Уничтожение: по слову адресата.

— Прочитайте вслух, — попросила я.

Лея прочитала. На слове «рябину» голос у неё сломался, но она не отвела глаз.

Я отщёлкнула замки.

Внутренняя поверхность крышки посветлела, будто за тонким стеклом наступало утро. Сначала появилось окно с дождевыми дорожками, потом край больничного одеяла, смятая подушка. Оран Мор лежал, повернув голову к записывающему зеркалу. Я видела только зрительный след, но память упрямо дорисовывала запах лекарств и хриплое дыхание. Именно поэтому курьерам запрещали считать себя беспристрастными. Мы тоже достраивали. Просто обязаны были знать, где заканчивается доставленное и начинается наше.

Оран открыл глаза.

Он не увидел меня. Запись была сделана для Леи, и взгляд прошёл сквозь моё место, остановившись на ней.

— Ты пришла, — сказал он.

Это не был ответ разумного существа, узнавшего жену. Лея при жизни Орана встала перед записывающим зеркалом, чтобы он выбрал точное направление взгляда. Фраза оставалась фразой, тепло — сохранённым теплом, а не возвращением человека.

Лея знала правила. Всё равно подалась вперёд.

— Пришла.

Оран едва заметно улыбнулся. Потом его лицо успокоилось, ожидая разрешённого вопроса.

Я перевернула песочные часы. Серебряный порошок побежал вниз. Четыре минуты.

Лея смотрела на мужа и молчала.

Первая минута ушла на дыхание.

На второй она убрала ладонь с медного ключа. Я разглядела на его бороде маленькую бирку с номером камеры хранения. Лея заметила, что я заметила, и прищурилась.

— Вы же не станете спрашивать?

— Нет.

— Все спрашивают.

— Тогда вам давно пора познакомиться с кем-нибудь новым.

Уголок её рта дёрнулся. В зеркале Оран продолжал ждать — терпеливый настолько, насколько терпеливым мог быть один записанный миг.

— Где ты хотел, чтобы я посадила рябину? — спросила Лея.

Отражение ожило.

— Не у калитки, — сказал Оран. — Там трубы, ты каждую весну будешь ругаться. Посади у кухонного окна. Когда она вырастет, птицы станут будить тебя раньше молочника, и ты будешь ругаться уже на меня. Это правильнее.

Лея рассмеялась. Один раз, коротко и зло, будто смех тоже опоздал и теперь сердился на дорогу.

— Дурак, — сказала она. — Там совсем нет солнца.

Оран улыбался. Ответ закончился. След должен был удерживать взгляд до истечения срока, не меняясь и не отвечая больше ни на что.

Серебряный порошок пересыпался до половины.

— А ключ? — спросила Лея.

Я положила два пальца на край крышки.

— Это не разрешённый вопрос.

— Я спрашиваю мужа.

— Вы спрашиваете запись мужа. Она не может ответить.

— Там камера хранения. Он оставил ключ в день, когда лёг в лечебницу. Я нашла его только после похорон.

В зеркале лицо Орана чуть дрогнуло.

Такого не должно было случиться.

Движение было крошечным: взгляд скользнул вниз, словно к ключу, потом вернулся к Лее. Возможно, мне показалось. В комнате существовало слишком много ожидания, и человеческий мозг был лучшим в мире мастером поддельных выражений.

— Он знал, что умирает, — продолжала Лея. — Он бы не оставил меня с этим просто так. Оран, что в камере?

Лицо снова изменилось.

На этот раз я увидела ясно: улыбка стала шире. Не теплее — услужливее.

Я захлопнула крышку.

Лея вскрикнула и схватила меня за запястье.

— Откройте!

— Отпустите руку.

— У нас ещё минута!

— Для разрешённого следа. Он закончился.

— Вы не знаете этого.

— Знаю.

Она держала крепко. Домашний фонарь соскользнул с её локтя, ударился о стол, и заслонка приоткрылась. Узкий янтарный луч лёг поперёк комнаты.

Ткань на настенном зеркале вздулась.

Под ногами Леи выросла тень — сперва обычная, повторившая наклон её плеч, потом слишком медленно повернувшая голову к медному ключу. За занавесью окна скользнуло ещё одно тёмное пятно. То, с лестницы, нашло боковой свет.

— Она не спросит, — произнесло настенное зеркало голосом из треска фитиля. — Но я могу узнать.

Лея разжала пальцы.

Я опрокинула фонарь плафоном вниз и прижала заслонку каблуком. Янтарная полоса исчезла. Тень Леи вернулась к ногам; пятно за занавесью растаяло не сразу, словно неохотно отпущало край ткани.

В футляре что-то тихо царапнуло стекло.

Песок ещё сыпался. Тридцать семь секунд.

— Что вы сделали? — прошептала Лея.

— Закрыла доставку при нарушении условия.

— Но он посмотрел на ключ.

— Оран Мор записал один ответ. Если после него появилось новое движение, оно не принадлежит вашему мужу.

Произнести это следовало ровно, без жалости в голосе. Жалость заставляет людей думать, будто правило можно отменить, если очень больно. Но Лея вдруг осела на стул, и мне пришлось удержать футляр одной рукой, а другой подать ей чашку.

— Значит, я сама это придумала?

— Не обязательно вы. Я заберу футляр на проверку. Подлинный ответ вы получили: рабина у кухонного окна.

— А если я хочу уничтожить всё?

— Это ваше право.

Она долго смотрела на синюю крышку.

— Не сейчас.

Последняя крупинка серебра упала вниз. Изнутри донёсся лёгкий звон, и футляр остыл.

Я оформила остановку: время, причина, состояние света, слова тени без предположения об их смысле. Лея расписалась не читая. Я заставила её прочитать и расписаться ещё раз. На второй подписи буква «М» вышла увереннее.

— Управляющего вызову, — сказала она.

— И ключ не выносите под боковой свет.

— Вы же обещали не спрашивать.

— Я и не спрашиваю. Я советую не давать возможности тому, кто спросит за вас.

На лестнице реклама уже погасла. Белые фонари снова прижимали все законные тени к полу. Я спустилась на площадку ниже, прежде чем нарушить главное курьерское правило: никогда не осматривать внутреннюю часть футляра в доме адресата.

Под окном третьего этажа стояла служебная ниша с матовыми стенками. Я заперлась, включила верхнюю лампу и надела тонкие перчатки. Наружная пломба, которую видела Лея,

лежала разрезанной в кармане. Её оттиск был безупречен. Шнур не меняли. Замки не царапали.

Я открыла уже мёртвый футляр.

Лицо Орана исчезло. На стекле осталась молочная дымка, обычная после истечения срока. Я наклонила крышку к свету и увидела возле нижней петли короткую серебряную черту. Свежую.

Такие следы оставлял шуп, которым вскрывали внутреннюю оболочку. Сделать это можно было только после наложения внешней пломбы. Сделать и сохранить пломбу целой было нельзя.

Я проверила вторую петлю. Там обнаружилась ещё одна черта — тоньше волоса, но такая же новая. Между ними в серебре проступал изгиб, похожий на край чужой улыбки.

В сумке тихо щёлкнул карман для квитанций.

Я отдёрнула руку. Карман не мог открыться сам: его держали две пружины и моё дурное отношение к неисправной фурнитуре. Внутри лежали три закрытые квитанции будущих доставок. Верхняя выдвинулась на ладонь.

На ней стояло имя Лиссы Орн.

Моей наставницы не было в живых одиннадцать дней. Её футляр я ещё не получала, а условия последней доставки Сена обещала открыть только после проверки наследственного разрешения.

Теперь строки проступали сами, одна за другой, как будто невидимое перо писало по серой бумаге:

Адресат подтверждается при вручении.

Допустимый вопрос отсутствует.

Условие открытия: адресат добровольно отказывается узнать один секрет.

Ниже оставалось место для маршрутной печати. На чистом поле медленно выступил тот же изгиб, что на внутренней стороне футляра Орана.

Край чужой улыбки.

Я сложила квитанцию, заперла её в отдельный конверт и прижала ладонь к холодной крышке.

До полуночи я доставляла отражения умерших.

После полуночи кто-то начал доставлять их мне.

Глава 2. Лишнее лицо

Майра не любила, когда я приходила к ней после полуночи с закрытой сумкой.

С открытой было хуже: однажды я принесла зеркало, которое три часа показывало всем посетителям их самые неудачные причёски. Но закрытая означала, что внутри лежало нечто достаточно опасное, чтобы я соблюдала правила, и достаточно неправильное, чтобы правила не помогли.

Мастерская сестры занимала первый этаж бывшей купальни на Меловой улице. Витрину она покрасила белым изнутри, оставив только узкую полосу у потолка. Днём через неё падал рассеянный свет. Ночью не падало ничего. Над дверью висел один верхний фонарь в глубоком колпаке, и моя тень послушно свернулась под сапогами.

Я постучала условным стуком: два, один, два.

За дверью звякнул засов.

— Если ты ранена, скажи сразу, — произнесла Майра вместо приветствия.

— Не ранена.

— Если за тобой идёт тень, не входи.

— Не идёт.

— Если ты опять решила, что «не идёт» означает «отстала на полквартиры», я запрю тебя снаружи.

— Она отстала на три квартиры.

Майра распахнула дверь, втянула меня внутрь за рукав и немедленно погасила свет в прихожей. Мы постояли в полной темноте. С улицы не донеслось ни шороха, ни голоса, сложенного из чужих звуков.

— Шутишь, — сказала она.

— Учусь у тебя.

— Плохо учишься. Я смешная.

Она зажгла потолочную сетку. Десятки крошечных белых огней вспыхнули одновременно, не оставив на полу ни одного длинного пятна. Майра проверила мои плечи, зрачки и пальцы, словно тень могла укусить. Только после этого посмотрела на сумку.

— Чей?

— Орана Мора. Доставка Лее Мор. Разрешённый вопрос прозвучал, ответ завершился. Потом след отреагировал на ключ и запрещённый вопрос.

— Ты закрыла?

— Сразу.

— Адресат?

— Хотела продолжения. Потом поняла. Уничтожение не потребовала.

Майра кивнула. Она не спрашивала, что за ключ и почему он важен. Поэтому я приносила сложные футляры ей, а не в центральную лабораторию артели. Родство не давало ей права на чужое содержание, но хотя бы не заставляло доказывать, что любопытство — не профессиональное качество.

Мы прошли в чистую комнату. Здесь не было обычных зеркал. На стеллажах стояли рамы, затянутые серой тканью, серебряные ванны закрывались матовыми крышками, а инструменты лежали в белых пеналах. Посреди комнаты возвышался диагностический стол с тремя дугами света: верхней, рассеянной и красной тепловой. Боковой источник Майра сняла ещё семь лет назад и хранила в сейфе без лампы.

— Пломба? — спросила она.

Я положила разрезанный серый воск в стеклянное блюдо.

Майра надела увеличительную линзу и долго рассматривала отпечаток закрытого глаза.

— Настоящая.

— Я знаю.

— Ты принесла вещь на проверку или подтверждение собственного величия?

— На проверку.

— Тогда я буду сообщать даже то, что ты знаешь.

Она повернула блюдце. Воск был цельным, без нагрева по краям и без второго слоя. Шнур разрезала я. Узел затягивал упаковщик артели — у каждого было своё едва заметное движение руки, и этот косой перехлёст я узнала бы среди сотни.

— Пломбу не снимали, — заключила Майра. — Наружную кожу не расслаивали. Теперь футляр.

Я вынула синюю коробку и положила на белую ткань. Майра записала номер, время открытия и температуру корпуса. Последнее казалось прихотью, пока три года назад нагретая подделка не вспыхнула у неё на столе и не превратила два пальца в красные блестящие рубцы.

— Холодный, — сказала она. — Остаточного движения нет. Покажи царапины.

Я указала на петли. Под линзой серебряные черты стали похожи на две дороги, прорезанные по замёрзшей реке.

Майра не коснулась их. Сначала сняла сухой отпечаток, затем провела над крышкой красной дугой. На экране проступили слои: кожа, деревянное основание, серебро, защитный лак. Возле петель лак был цел.

— Щуп не входил снаружи, — сказала я.

— Не входил.

— Но царапины свежие.

— Свежие.

— Майра.

— Ты просила проверку, а не утешение.

Она закрепила футляр и открыла крышку на один палец. Молочная дымка внутри уже осела. Лицо Орана исчезло, как исчезали все следы после срока. Остался тонкий серебряный слой с неровным пятном у нижнего края.

Майра направила рассеянный свет под углом, безопасным для наших теней. На стекле появился изгиб улыбки.

Я видела его в служебной нише. Здесь он стал отчётливее: угол губ, часть щеки, едва намеченная складка. Не лицо — обещание лица, которое мозг торопился завершить.

— Не смотри прямо, — велела сестра.

— Оно уже мёртвое.

— А ты уже упрямая. Одно не отменяет другого.

Я перевела взгляд на экран. Майра подвела к стеклу гребёнку тонких датчиков. Обычно посмертный след оставлял в серебре одну последовательность напряжений: поворот головы, движение век, заранее записанный ответ. Линия на экране должна была пройти ровной дугой и закончиться.

Вместо этого рядом вспыхнула вторая.

Она повторяла первую до середины, затем начинала угадывать. Когда подлинный Оран поворачивал взгляд, новая линия предлагала три возможных поворота. Когда он улыбался, она разветвлялась на десяток улыбок. Ни одна не была памятью. Все были вариантами того, что Лея могла захотеть увидеть.

— Лишнее лицо, — тихо сказала Майра.

Термин существовал давно. Так называли случайную мимику в испорченных следах: серебро цеплялось за ожидание адресата и отвечало дрожью, вспышкой, иногда подобием взгляда. Обычно для этого требовалось нарушить разрешение при записи или вскрыть футляр до доставки. Подделку было легко узнать: она распадалась, стоило убрать адресата.

Это лицо не распалось.

— Оно сохранило её ожидание? — спросила я.

— Не одно ожидание. Смотри.

Майра вывела на экран время. Вторая линия возникла ещё до того, как я открыла футляр в доме Леи. Она была слабой, почти незаметной, но росла рывками. Первый рывок — на лестнице, когда рекламный фонарь ударил в окно. Второй — когда Лея накрыла ладонью медный ключ. Третий — когда её домашний фонарь упал и дал боковой луч.

— Оно питалось не светом, — сказала я. — Свет сам ничего не знает.

— Оно питалось направленным вниманием. Боковой луч заставлял человека скрывать, а оболочка снимала рисунок этого усилия.

— Через закрытую сумку?

Майра постучала ногтем по металлической окантовке.

— Футляр защищён от отражённого света, жара, падения и любительского вскрытия. Он не защищён от городской фонарной команды. Иначе на маршруте нельзя было бы синхронизировать окно доставки.

У каждого футляра был световой приёмник. Когда курьер проходил под контрольным фонарём, сеть отправляла короткий импульс: время сверялось, замки переходили к следующему этапу, квитанция подтверждала район. Команда не касалась содержания. По крайней мере, так нас учили.

— Можно передать другое, — сказала я.

— Можно передать что угодно, если знаешь служебную последовательность. Но принять должен сам футляр. Значит, кто-то изменил оболочку до пломбы.

— Или оболочку меняет команда после пломбы.

Майра посмотрела на меня поверх линзы.

— Тогда эти царапины не царапины.

Она увеличила снимок. Серебряные линии лежали под целым защитным лаком, словно появились изнутри металла.

— След команды, — поняла я.

— След того, что футляр исполнил команду. Он сам провёл внутренним щупом по слою, открыл канал и собрал реакцию адресата. Внешняя пломба ему не мешала.

На миг мне захотелось разбить коробку. Желание было бессмысленным и очень человеческим. Мы запирали отражения от воров, огня, воды и любопытных родственников, а дверь всё это время находилась внутри замка.

— Проверь остальные, — сказала я.

— Какие остальные?

— В сегодняшней партии было двенадцать футляров. Девять уже доставлены. Три остаются у курьеров.

— Немедленно остановите маршруты.

— Если остановим без объяснения, адресаты выйдут искать нас. У кого-то срок привязан к дате, у кого-то — к последнему часу дома. Паника отдаст людей теням быстрее любой подделки.

— А продолжение доставок отдаст им лица умерших.

— Не лица. Ожидания живых.

— Ты сейчас поправляешь слово или принимаешь решение?

Она сорвала перчатки. Красные рубцы на пальцах побелели.

Мы спорили одинаково с детства: Майра называла худший исход, я — ближайшее действие. После смерти матери это стало нашим способом не произносить слово «страшно». Майра чинила то, что могло треснуть. Я несла то, что нельзя было оставить на месте. Каждая считала метод другой опасной формой упрямства.

— Я изыму три недоставленных, — сказала я. — Тихо. Потом проверим номера уже доставленных и предупредим адресатов без раскрытия условий.

— Ты не можешь отозвать след после вручения.

— Могу предложить диагностику оболочки.

— А если Лея Мор сейчас открывает футляр снова?

— Замки истекли. Она не откроет его без разрушения.

— «Без разрушения» сегодня звучит неубедительно.

Я промолчала. Майра отвернулась к столу и провела ладонью над закрытой крышкой, не касаясь.

— Ты принесла ещё что-то, — сказала она.

Я достала отдельный конверт с квитанцией Лиссы.

Сестра узнала имя раньше, чем я успела прикрыть строку пальцем. Её лицо изменилось — не так услужливо, как лицо в футляре, а честно и сердито.

— Сена говорила, разрешение ещё проверяют.

— Говорила.

— Откуда квитанция?

— Была в моём кармане будущих доставок. Выдвинулась сама после проверки футляра Орана.

— Сама.

— Пружина могла сработать.

— Нора.

— Пружина не могла сработать.

Майра прочитала условие сквозь стекло конверта: адресат добровольно отказывается узнать один секрет. Потом долго смотрела на пустую строку адресата.

— Это на тебя похоже, — сказала она.

— Отказаться от секрета?

— Решить, что всякая загадка является твоим рабочим заданием.

— Лисса была моей наставницей.

— Именно. Ты не обязана превращать её смерть в последний экзамен.

— Она оформила доставку.

— Мы пока не знаем, она ли.

Я хотела возразить, но изгиб на квитанции совпадал с изгибом лишней улыбки. Это могло быть предупреждением Лиссы. Могло быть приглашением того, кто испортил партию. Разница между ними была размером с моё желание услышать наставницу ещё раз.

Майра увидела ответ раньше, чем я его придумала.

— Вот, — сказала она, указывая на конверт. — Именно этим питается лишнее лицо. Не горем. Не любовью. Уверенностью, что умерший обязан оставить тебе ответ.

— Я не собираюсь открывать футляр без проверки.

— Тогда оставь квитанцию здесь.

— Нет.

— Почему?

Потому что Лисса научила меня держать сумку замком наружу, считать секунды без часов и никогда не обещать живым больше, чем мёртвые разрешили. Потому что одиннадцать дней я не заходила в её пустую комнату в артели. Потому что, если квитанция была настоящей, последняя воля выбрала меня не по родству, а по ремеслу.

Тени узнавали тайны, только когда человек сознательно прятал их под направленным светом. Здесь свет был верхним и ровным. Всё равно я почувствовала, как мысль сжимается внутри, превращаясь в вещь, которую можно украсть.

— Потому что она выдана курьеру, — ответила я.

Майра усмехнулась без веселья.

— Хорошая формулировка. Почти ничего не выдаёт.

На стене звякнула переговорная трубка. Три коротких сигнала — внутренняя линия артели. Майра посмотрела на меня.

— Ты сообщила Сене?

— Перед тем как идти сюда. Только номер партии и остановку доставки.

Я сняла трубку.

— Вель.

— Обе? — спросила Сена Кор.

Голос начальницы звучал так, словно ночь была не временем суток, а ошибкой подчинённых.

— Обе.

— Результат?

— Внутренняя команда открыла канал в серебряном слое. Футляр собирал ожидания адресата во время бокового света. Вторая мимика сохранилась после истечения следа.

На линии стало тихо.

Сена обычно задавала вопросы быстро: что видела, кто свидетель, кому сообщено. Теперь она молчала достаточно долго, чтобы я услышала в трубке слабое гудение фонарной сети.

— Подтверждаешь? — спросила она наконец.

— Я подтверждаю, — отозвалась Майра рядом. — Нужны все двенадцать оболочек.

— Нет, — сказала Сена.

Я крепче сжала трубку.

— В партии три недоставленных.

— Один изъять. Тот, что у Тиль. Остальные провести по условиям, без отклонений.

— Ты не услышала сестру.

— Услышала. Если отзовём партию, Инспекция опечатает хранилище и получит маршруты всех двенадцати. Если объявим вмешательство до того, как поймём его источник, человек внутри артели уничтожит следы.

— Почему человек внутри артели?

Сена снова задержалась на полвдоха.

— Потому что служебная команда подписана нашим упаковочным ключом.

Майра приблизилась к трубке.

— Ключом артели нельзя управлять городскими фонарями.

— Можно, если кто-то связал его с ключом распорядительной службы во время перевозки, — сказала Сена. — Это всё, что я скажу по линии.

— Девять футляров уже у адресатов, — напомнила я.

— Запроси у них проверку состояния упаковки под видом учёта. Не называй подделку. Не произноси по линии имён. Тиль снимет свой футляр с маршрута и принесёт Майре.

— А два других?

— Доставить.

— Нет.

Слово вышло прежде, чем я успела выбрать форму, пригодную для разговора с начальницей.

— Повтори, курьер Вель.

— Я не повезу заражённую оболочку человеку, который ждёт умершего. И не прикажу это другому курьеру.

— Ты не знаешь, что заражены все.

— Ты тоже.

— Именно поэтому нам нужен контрольный футляр в движении.

Я посмотрела на вторую линию на экране. Она угадывала десятки улыбок, ни разу не зная Орана Мора.

— Адресат не лабораторная ванна.

— А город не твоя сумка, Нора. Если сейчас поднимется тревога, каждый получатель вскрыет свой футляр, чтобы убедиться, что ему достался настоящий умерший. Мы получим не два риска, а девять завершённых подделок.

Это была правда. Хуже всего Сена спорила именно правдой, вырезанной по размеру решения.

— Изъять оба, — сказала я. — Но без общей тревоги. Курьеры сообщат о сбое синхронизации и перенесут окно. Один футляр Тиль доставит сюда, второй — в изолированное хранилище артели. Мы получим контроль без адресата.

— Команда проявляется на маршруте только рядом с назначенным домом.

— Тогда пройдем маршрут до двери и не вручим.

— Получатель увидит курьера.

— Пусть увидит. Разочарование не опаснее лишнего лица.

Майра тихо сказала:

— Это проверяемо. Я поставлю внешний регистратор и поймаю фонарный импульс до открытия.

Сена выдохнула в трубку.

— Один футляр. У Тиль. Второй переносим как сбой без выхода на адрес. Третий уже вошёл в окно доставки две минуты назад.

— Кто курьер?

— Ран Илл.

— Отзови его.

— Связь на окне запрещена. Ты сама составляла правило.

Я взглянула на часы мастерской. Двенадцать двадцать восемь. Где-то в Лиоре Ран уже ставил футляр на стол и просил адресата прочитать условия вслух. Возможно, над домом горел только безопасный верхний свет. Возможно, из соседней витрины падал косой луч. Возможно, внутри серебра уже царапал слой невидимый шуп.

— Адрес? — спросила я.

— Ты не назначена на маршрут.

— Сена.

— Нора. Если сорвёшь чужую доставку без доказательства, я отстраню тебя сама. Изъешь футляр Тиль, проверишь импульс и принесёшь мне отчёт до рассвета. Квитанцию Лиссы не открывать.

Я не говорила ей о квитанции.

Майра это поняла одновременно со мной. Её рука легла на стеклянный конверт.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

В трубке щёлкнуло.

Связь оборвалась.

Мы остались под ровным белым светом. На диагностическом экране подлинная линия Орана закончилась там, где должна была. Вторая продолжала ветвиться, предлагая всё новые выражения человеку, которого в комнате больше не было.

— Она могла видеть реестр, — сказала Майра.

— Разрешение ещё не внесено в реестр.

— Могла говорить с Лиссой до смерти.

— Тогда знала бы условие, а не появление квитанции в моей сумке.

— Ты хочешь обвинить Сену?

— Я хочу перестать угадывать.

Я запечатала футляр Орана в диагностический короб и поставила личную курьерскую печать поверх замка. Майра добавила свою — две половины закрытого глаза встретились на белом воске. Теперь ни одна из нас не могла открыть короб без ведома другой.

Потом я переложилa квитанцию Лиссы во внутренний карман куртки.

— Оставь её, — повторила Майра.

— Не могу.

— Не хочешь.

— Это тоже граница.

Она посмотрела на меня долгим старшим взглядом, в котором умещались двадцать лет бесполезных советов и двадцать лет неизменной готовности прийти, когда я их не послушаюсь.

— Тогда хотя бы не путай верность мёртвому с правом рисковать живыми.

Я кивнула.

На улице пробили половину первого. Одновременно с последним ударом все потолочные огни в мастерской дрогнули.

Всего один раз.

На экране вторая линия лица резко вытянулась вверх.

Майра бросилась к рубильнику. Я накрыла диагностический короб чёрной тканью. Свет выровнялся, но на серебряном слое успела появиться новая ветвь — точная, уверенная, чужая.

Она сложилась в профиль женщины.

Не Леи Мор.

Лиссы Орн.

— Оно взяло это не из футляра, — прошептала Майра.

Я чувствовала квитанцию наставницы у сердца, хотя конверт был холодным.

— Из меня, — сказала я.

За белой витриной остановились шаги.

Человек снаружи не постучал. Под верхним фонарём не должно было быть заметной тени, но по закрашенному стеклу медленно поднялась тёмная ладонь — без руки, без тела, без права находиться здесь.

Следом раздались три сухих удара в дверь.

Не условный стук артели.

Служебный.

— Инспекция теней, — произнёс мужской голос. — Откройте для осмотра оболочки.

Глава 3. Инспектор без тени

Майра выключила диагностический экран, прежде чем я успела ей сказать.

Профиль Лиссы исчез. На столе остался белый короб с двумя печатями, а у меня — неприятная уверенность, что человек за дверью пришёл не по совпадению.

— Имя и номер ордера, — потребовала я.

— Инспектор Арден Рей. Ордер семьдесят четыре, ограниченный осмотр оболочки, связанной с нарушением фонарного режима на Меловой улице.

— Время выдачи?

— Двенадцать двадцать семь.

Свет дрогнул в половине первого. Ордер выписали до события, которым его обосновывали.

Майра показала на заднюю дверь. Я покачала головой. Бегство превратило бы законный спор в удобную вину, а футляр — в добычу того, кто первым назовёт себя защитником города.

— Покажите документ через щель.

Под дверью прошла узкая карточка. Печать Инспекции была настоящей: серебряная нить меняла направление при повороте. В графе доступа значились внешний футляр, крепления, световой приёмник и журнал маршрутной синхронизации. Содержание следа, разрешение адресата и внутренний слой были исключены.

Я отперла дверь, оставив цепь.

Арден Рей оказался выше, чем позволял его голос, и выглядел так, будто форму на нём гладили вместе с человеком. Тёмный воротник застёгнут, волосы мокрые от тумана, на левой перчатке — белая служебная полоса. Оружия он не показывал. За ним стояли два запечатанных фонаря Инспекции, но помощников не было.

— Один? — спросила я.

— Для узкого осмотра достаточно.

— Для внезапного — удобно.

Он протянул ладонь за ордером. Я не отдала.

— Выдан в двенадцать двадцать семь. Нарушение случилось в половине.

— Первое нарушение зарегистрировано на вашем маршруте в одиннадцать пятьдесят две. Здесь — повторный импульс.

— Откуда вам известен мой маршрут?

— Из фонарного журнала. Не из содержания доставки.

Правильный ответ раздражал сильнее неправильного.

Я сняла цепь. Арден вошёл, остановился под потолочной сеткой и позволил Майре проверить его переносным гасителем. Ни одно пятно не отделилось от пола.

Вообще ни одно.

Белый свет почти уничтожал тени, но возле каблучков всегда оставался серый ободок. У Ардена не было даже его.

Он заметил мой взгляд.

— Осмотр, курьер Вель.

— Я не представлялась.

— В журнале указан получатель импульса.

— Футляр, а не курьер.

— В вашей артели они пока ещё путешествуют вместе.

Майра встала между ним и столом.

— Короб опечатан двумя специалистами. Внутренняя диагностика окончена.

— Мне нужна только оболочка.

— Тогда получите только оболочку, — сказала я.

Мы составили условия прямо на обороте ордера. Майра открывает диагностический короб. Я держу зеркальную ткань над внутренним стеклом. Арден осматривает петли, окантовку и световой приёмник, не меняя угол крышки. Любая попытка снять ткань прекращает осмотр. Все найденные частицы делятся на две пробы.

— Вы всегда дописываете закон? — спросил он.

— Когда закон приходит раньше причины.

Он поставил подпись.

Майра сломала свою половину печати, я — свою. Мы приподняли крышку короба. Я накрыла футляр зеркальной тканью так, чтобы наружу выступали только крепления.

Арден работал без лишних движений. Сначала сфотографировал петли, затем приложил к ним магнитную нить. Она легла ровно, но возле правого шарнира вздрогнула.

— Внутренний привод срабатывал после запечатывания, — сказал он.

— Это мы установили.

— Чем?

— Не относится к ордеру.

Он взглянул на Майру. Та улыбнулась так приветливо, что я почти пожалела инспектора.

— Вы пришли с гипотезой, — сказала я. — Иначе не взяли бы магнитную нить.

— За последние шесть ночей сеть зарегистрировала семь обратных ответов от курьерских оболочек. Нормальный футляр принимает время, но ничего не передаёт.

— Куда ушли ответы?

— Именно это я выясняю.

— Задержав всю партию?

Впервые его пальцы остановились.

— Я не говорил о партии.

— Пока нет.

Арден достал плоский пробник, провёл по стыку приёмника и снял почти невидимую пыль. Под верхним светом она казалась белой. Под красной дугой стала янтарной.

Майра резко вдохнула.

— Фонарное стекло, — сказала она.

— Не обычное, — ответил Арден. — Пыль распорядительной службы. Ею метят узлы после ночной перенастройки.

Он разделил находку между двумя пакетами и передал один мне.

— Ваша оболочка была рядом с открытым узлом сети либо её обработали инструментом оттуда.

— Футляр шёл из артели прямо на маршрут.

— Тогда утечка внутри артели.

— Или журнал маршрута позволил сети выбрать его на улице.

— Поэтому партия должна быть задержана.

Вот оно.

— Ордер не даёт вам такого права.

— Дам распоряжение до утра.

— До утра два адресата потеряют прижизненно назначенные окна.

— Зато не получают подделки.

— Вы не знаете, что они поддельные.

— Вы тоже, однако уже снимаете их с маршрута.

Я не спросила, откуда он знает и это. В комнате становилось слишком много сведений, которые каждый получил законно лишь по собственному утверждению.

— Один контрольный футляр, — сказала я. — Без вскрытия и без имени адресата. Он пройдёт маршрут с внешним регистратором.

— Все оставшиеся футляры поступят в Инспекцию.

— Нет.

— Курьер Вель, ваша профессиональная гордость сейчас не главный риск.

— А ваша привычка называть доступ безопасностью — главный.

Воздух между нами стал плотнее. Майра не вмешивалась. Она знала: если остановить меня слишком рано, я продолжу спор хуже.

Арден снял перчатку с левой руки. На запястье тянулся тонкий серый рубец — замкнутое кольцо, след полного отделения.

— Моя тень однажды получила служебный секрет, — сказал он. — Не догадку. Не слух. Код, который я сознательно скрывал под направленным светом. Через час код купили на рынке. Через два погибли трое свидетелей. Поэтому, когда оболочка начинает отвечать сети, я задерживаю оболочку.

Признание было точным и недостаточным. Он сообщил последствие, но не назвал своей роли. Так люди оставляли дверь приоткрытой, надеясь, что откровенность засчитают как право войти.

— Это объясняет ваш страх, — сказала я. — Не расширяет ордер.

Арден медленно надел перчатку.

— Хорошо.

Он произнёс это без согласия, скорее отмечая границу на карте.

— Контрольный футляр остаётся у вас до утра. Я получаю наружный журнал и копию фонарного импульса. Если оболочка отвечает сети, партию задерживаем без спора.

— Без имён и условий доставок.

— Без содержания. Маршрутные точки нужны.

— Только номера фонарных узлов.

— Время с точностью до минуты.

— До двух минут.

— До одной.

— Вы торгуетесь хуже тени.

— Зато оставляю расписку.

Майра кашлянула, скрывая смех. Мы записали соглашение рядом с условиями осмотра.

Оставался наружный журнал. Он лежал в нижнем ящике верстака — узкая лента серой бумаги, на которой футляр отмечал каждый принятый световой сигнал. Я вынула её сама и закрыла ладонью столбец с номерами доставок.

— Только узлы и время, — напомнила я.

— Мы это уже записали.

— Люди часто лучше помнят, что им нужно, чем то, на что они согласились.

— Курьеры, видимо, исключение.

— Курьеры носят расписку.

Арден придвинул один из запечатанных фонарей. На пломбе стояла дата утренней проверки и имя техника. Майра сверила её с реестром допущенных приборов, потом всё равно обвела стекло ручным щупом.

— Если разобьёте, — сказал Арден, — Инспекция выставит счёт.

— Если он направленный, я выставлю счёт первой.

Фонарь оказался безопасным: широкая красная дуга без резких краёв. Под ней лента покрылась мелкими поперечными рисками. Обычные сигналы шли парами — часовая отметка и подтверждение приёма. В одиннадцать пятьдесят две между ними вклинилась третья риска, почти прозрачная. В половине первого — ещё одна, уже тёмная.

Арден положил рядом измерительную сетку.

— Обратный ответ.

— Или повторный входящий сигнал, — сказала Майра.

— Тогда направление штриха было бы к краю.

Она наклонилась ниже. Я видела, что он прав, по тому, как сестра перестала спорить.

— Что оболочка могла отправить? — спросила я.

— Серийный номер. Температуру слоя. Состояние замка.

— Содержание?

— Штатная — нет.

— А эта?

Он не ответил сразу.

— Если привод двигал внутреннее зеркало, сеть могла получить световой слепок того, что проявилось на поверхности.

Профиль Лиссы возник не внутри футляра, а на диагностическом экране. Но между экраном и приёмником оставалось меньше ладони. Белая пыль у шарнира могла провести свет в обе стороны.

Я снова увидела ветвящуюся линию, которая примеряла выражения умершего человека, а потом выбрала лицо моей наставницы из того, что нашла во мне.

— Значит, вы уже должны задержать все футляры, — сказала я.

Арден поднял взгляд.

— Это вы предлагаете?

— Я проверяю, одинаково ли вы боитесь утечки и доказательств.

— Доказательство перед вами.

— Доказательство ответа оболочки. Не чтения содержания. Если вы назовёте одно другим, утром получите широкий ордер, а через неделю никто уже не вспомнит разницу.

Майра провела ногтем вдоль ленты.

— Здесь отсутствует минута.

Между отметками двенадцать ноль три и двенадцать ноль пять бумага выглядела чистой. Не порванной, не стёртой — просто слишком ровной.

Я знала этот тип журнала. Даже при отсутствии сигналов механизм оставлял слабую точку каждые тридцать секунд, подтверждая ход ленты. На пустом отрезке не было четырёх точек.

— Ленту останавливали, — сказала я.

— Или заменили участок, — отозвался Арден.

Он достал нож. Я накрыла журнал ладонью.

— Вы его не режете.

— Мне нужно проверить волокна края.

— Пробой на копии.

— Копия не покажет шов.

— Тогда смотрите без ножа.

Он отложил инструмент. Майра принесла увеличительное стекло на шарнире, которым проверяла старые зеркальные рамы. Под ним на границе пустого отрезка выступили короткие волоски бумаги. Полоску вырезали и вклеили новую так искусно, что при белом свете шов исчезал.

— Этот журнал всё время был у артели? — спросил Арден.

— Механизм запечатан в оболочке, — сказала я.

— Пломба не нарушена.

— Вы только что сами нашли срабатывание внутреннего привода после запечатывания.

Арден снова посмотрел на янтарную пыль. Подозрение, до этого направленное внутрь артели, заметно сместилось.

— Распорядительная служба может остановить ленту внешней командой, — сказал он.

— И вклеить минуту снаружи?

— Нет. Для замены нужен физический доступ.

— Значит, или два участника, или один с доступом к сети и нашим футлярам.

— Ваши упаковщики проходят через фонарную башню?

— Нет.

— Ремонтники распорядительной службы бывают в артели?

— После каждого обновления сети, — сказала Майра. — Они проверяют приёмники, иначе город не подтверждает маршрутные окна.

Арден вынул записную книжку.

— Даты.

— Ордер не включает журналы посещений, — сказала я.

Он медленно закрыл книжку.

— Сейчас вы защищаете не содержание доставки, а список ремонтников.

— Сейчас я защищаю правило, по которому вы приходите за одним и не уносите десять другого.

— А если среди десяти имя человека, который сделал это?

— Тогда получите новый ордер на десять.

В комнате стало тихо. За окном тёмная ладонь исчезла с витрины, но я чувствовала её присутствие по тому, как Арден держал левое плечо: чуть выше правого, будто ожидал прикосновения.

Майра сняла увеличительное стекло.

— Я сама запрошу журнал посещений у артели и передам номера допущенных техников без домашних адресов, — сказала она. — В обмен на список перенастроенных узлов за шесть ночей.

— Узлы относятся к служебной схеме, — сказал Арден.

— А имена ремонтников — к людям, которых вы уже готовы подозревать.

Он посмотрел на неё, потом на меня.

— Вы репетировали?

— С детства, — сказала Майра.

Я взяла чистый лист и записала обмен: номера удостоверений без личных данных — на номера перенастроенных узлов без полной схемы сети; обе стороны передают сведения до трёх часов; использование за пределами проверки требует отдельного согласования.

— Это не официальный протокол, — сказал Арден.

— Тогда не подписывайте.

Он подписал.

Пока Майра снимала копию повреждённого участка, Арден стоял рядом с фонарём. Красный свет падал на пол под углом. Моя тень вытянулась к шкафу. Майрина легла поперёк неё. У инспектора по-прежнему не появилось ничего.

— Больно? — спросила я прежде, чем решила, что вопрос допустим.

Он понял, о чём я.

— Сначала было холодно даже летом. Потом тело перестало ждать вторую половину тепла.

— Я не имела права спрашивать.

— Не имели. Но я мог не отвечать.

Это не было прощением за вопрос. Только двумя границами, которые не отменяли друг друга.

— Почему она следует за служебными фонарями? — спросила Майра, не оборачиваясь.

— Потому что через них проще находить скрываемое. Инспекторы приходят туда, где люди боятся проверки.

— Удобная охота.

— Я раньше называл это побочным риском службы.

— А теперь?

— Теперь не называю вместо других.

Майра протянула ему копию ленты и оставила оригинал под нашим двойным зажимом. Арден проверил, что номера доставок закрыты непрозрачной полосой. Он мог потребовать снять её. Не потребовал.

Первая уступка не делала его безопасным. Но я запомнила, что она была.

Арден убрал свою пробу фонарной пыли и повернулся к выходу. В этот момент край конверта Лиссы выскользнул из внутреннего кармана. Всего белая полоска с серой рамкой — имя прочитать невозможно.

Инспектор остановился.

— Второй объект?

— Документ вне ордера.

— Связан с импульсом?

— Вне ордера.

На закрашенной витрине шевельнулась тёмная ладонь. Арден не обернулся, но лицо у него изменилось.

— Моя бывшая тень, — сказал он. — Она следует за служебными фонарями. Не открывайте дверь сразу после меня.

— Заботливый совет от человека, который привёл её к мастерской.

— Я не могу запретить ей улицу. Могу не дать ей вашего секрета. Погасите наружный фонарь на семь секунд после того, как дверь закроется.

— Почему семь?

— На восьмой аварийная сеть включит боковую подсветку.

Он знал сеть слишком хорошо. Возможно, поэтому она знала его.

Арден открыл дверь. Под верхним фонарём его фигура стояла одна, без серого ободка у ног. На белой витрине чужая ладонь потянулась к его плечу, но не коснулась.

— Инспектор, — позвала я.

Он оглянулся.

— Кто сообщил вам о мастерской?

— Автоматический журнал нарушения.

— Он назвал помещение, а не только улицу?

— Он назвал серийный номер оболочки. Адрес реставратора есть в реестре подрядчиков артели.

Ответ снова был правильным. Но прежде чем выйти, Арден посмотрел не на футляр Орана, а точно на карман, где лежала квитанция Лиссы.

Дверь закрылась.

Майра погасила наружный фонарь. Семь секунд мы стояли в темноте. Снаружи что-то скребнуло по стеклу и прошептало голосом дождя:

— Он не сказал, кто включил свет тогда.

На восьмой секунде в переулке вспыхнула янтарная полоса. Майра уже держала заслонку, и луч разбилась о чёрную ткань.

Когда верхний свет вернулся, на столе возле диагностического короба лежал маленький металлический кружок.

— Это не наше, — сказала Майра.

Я подняла его пинцетом. На одной стороне стояла печать Инспекции. На другой светилась единственная строка:

Объект под наблюдением. Вскрытие фиксируется.

— Он поставил метку, — сказала Майра.

— На футляр?

Я провела кружком над коробом. Он молчал. Над сумкой — тоже. Но возле внутреннего кармана вспыхнул красный огонёк.

Ордер касался оболочки Орана.

Законная метка наблюдала за квитанцией Лиссы.

Глава 4. Посылка, пришедшая дважды

Метка Инспекции погасла только в жестяной банке из-под чая.

Майра обернула банку зеркальной тканью, поставила в шкаф и придвинула к дверце табурет.

— Теперь она наблюдает за «Северным сбором», — сказала она. — Очень законопослушный напиток.

Я уже набирала номер Тиль. Контрольный футляр должен был оставаться у неё до согласования маршрута, но ответил не её голос.

— Курьерская артель, — сказал мужчина. — Вы обещали вернуть мать.

На заднем плане Тиль коротко выругалась.

— Не открывайте футляр, — сказала я.

— Который?

Связь оборвалась.

До улицы Капель было девять минут быстрым шагом и пять — если пренебречь коленями, мостовой и распоряжением Инспекции не двигать подозрительную партию. Я выбрала пять.

Лиор после полуночи выглядел городом, который сам себе не доверяет. Верхние фонари заливали перекрёстки ровным белым светом, но в переулках горели ремонтные янтарные полосы. Под ними тени вытягивались из-под водостоков и тут же прятались, когда я поворачивала ручной гаситель. Кто-то перенастраивал сеть участками, словно перебирал клавиши.

Тиль ждала у дома номер восемнадцать. Левой рукой она держала у груди белый футляр, правой прижимала дверь. С другой стороны мужчина наваливался плечом.

— Нора, — выдохнула она. — У него такой же.

Мужчина перестал толкать дверь и поднял второй футляр. Серийный номер на серебряной пластине совпадал: МС-1148. Даже царапина у нижнего крепления повторялась.

— Видите? — сказал он. — Ваш курьер принесла пустой. Мне продали настоящий.

Ему было около сорока. Домашняя рубашка застёгнута не на те пуговицы, босые ноги мокрые от мостовой. За его спиной в прихожей горели три боковых лампы, хотя над дверью исправно сиял белый плафон.

— Назовите себя, — попросила я.

— Эд Марен. Адресат МС-1148. Сын Селмы Марен. Этого достаточно?

— Для разговора — да. Для открытия — нет. Покажите разрешение, не передавая футляр.

Он развернул купленный короб. К крышке была приклеена карточка с золотым краем.

Полный разговор. Любые вопросы. Голос, память и прощение без ограничения срока.

Настоящие разрешения никогда не обещали прощения. Умерший мог оставить взгляд, жест, одну зрительную реакцию. Простить обязан был живой — или не обязан вовсе.

— Где вы это купили?

— Какая разница?

— Та, что этот футляр отвечает не вашей матери.

— Вы ещё не открывали.

— Поэтому и могу вам это сказать.

Тиль отступила от двери. На её футляре висела наша синяя пломба и короткое разрешение: один взгляд после вопроса «Ты знала, что я вернулся?». Срок — до двенадцати семи. Осталось три минуты.

Эд заметил мой взгляд на часах.

— Они сказали, ваша артель нарочно обрывает память, чтобы брать деньги за каждую встречу.

— Сколько встреч вам продали?

Он сжал челюсть.

— Одну. Настоящую.

— За что заплатили?

— Не ваше дело.

Боковые лампы за ним вспыхнули ярче. По стене прихожей медленно поднялась тень без головы. Она услышала скрываемое и потянулась к его затылку.

Я направила гаситель через дверь. Две лампы погасли. Третья была прикрыта металлической решёткой и продолжала лить свет сбоку.

— Эд, если хотите увидеть след матери, впустите нас и выключите эту лампу.

— А потом заберёте оба короба.

— Поддельный — да. Настоящий уничтожу только по вашему решению или после срока, как указано в разрешении.

— В том и хитрость. Вы всё время решаете, что настоящее.

— Нет. Решение оставила Селма. Я слежу, чтобы его не заменили вашим желанием.

Это ударило точнее, чем я хотела. Эд отшатнулся. Тень на стене обрела плечи.

— Каким желанием?

Я не ответила. Названный за человека секрет всё равно становится товаром, даже если отдаёшь его бесплатно.

Тиль подняла подлинный футляр.

— Две минуты. Потом след угаснет не потому, что мы жадные, а потому что ваша мать назначила срок.

Эд посмотрел на золотую карточку, на синюю пломбу и распахнул дверь.

В прихожей пахло холодным супом и раскалённой пылью. Я закрыла решётчатую лампу своим плащом. Без бокового света тень Эда легла у ног обычным слабым пятном.

На столе стояла фотография Селмы: круглолицая женщина в рабочем фартуке держала медную кружку и смотрела мимо камеры. У поддельного футляра на крышке было то же лицо, выгравированное иглой. Наша артель не наносила портреты на оболочки.

— Сначала подлинный, — сказала я. — Один вопрос. Точная формулировка записана здесь.

— Я хочу спросить другое.

— Тогда след не откроется.

— В полном разговоре откроется.

— Полный разговор скажет то, что удержит вас у стекла.

Эд коснулся золотой карточки. Буквы на ней дрогнули и сложились в новую строку: Она объяснит, почему выбрала не вас.

Теперь я поняла, что он скрывал, и отвернулась от текста прежде, чем тень успела предложить цену.

— Это не знание вашей матери, — сказала я. — Короб читает ваше ожидание через свет.

— Откуда ему знать про выбор?

— От вас.

Он замахнулся дубликатом, будто собирался разбить его о стол, но остановился.

— Если вы правы, пусть скажет что-нибудь, чего я не знаю.

— Он не сможет. Зато сумеет убедить вас, что забытое всегда было известно.

На часах осталось пятьдесят секунд.

Я положила подлинный футляр на стол и дала Эду самому проверить номер, пломбу и строку согласия. Его пальцы дрожали так сильно, что ключ дважды прошёл мимо замка.

— Вопрос вслух, — напомнила Тиль.

Эд открыл крышку.

В серебряном стекле проступило лицо Селмы. Не фотография: волосы убраны под платок, на щеке полоска муки, взгляд усталый и внимательный. Она не улыбалась по заказу.

— Ты знала, что я вернулся? — спросил Эд.

Селма подняла глаза прямо на него и один раз кивнула.

Потом посмотрела влево, на пустой стул возле окна.

След погас.

Никакого объяснения. Никакого удобного оправдания. Только знание, что возвращение было замечено, и место, которое она, возможно, оставляла ему. Эд сел на этот стул и закрыл лицо ладонями.

Золотая карточка на дубликате снова переменялась: Она скажет, кого любила больше.

— Уничтожьте его, — глухо сказал Эд.

— Повторите, глядя на футляр.

Он опустил руки.

— Я, Эд Марен, адресат, отказываюсь от открытия и прошу уничтожить этот футляр.

Я попросила Тиль записать отказ на квитанцию. Затем поместила дубликат в чёрный мешок и ударила аварийным бойком по углу оболочки.

Стекло лопнуло без звона.

Из трещины вышло лицо Селмы — слишком гладкое, молодое, улыбающееся именно так, как на фотографии. Оно повернулось к Эду и заговорило его собственным голосом:

— Я выбрала тебя. Я всегда выбирала тебя. Спроси ещё.

Эд побелел.

Лицо продолжало повторять последнюю фразу, меняя интонацию: ласково, виновато, испуганно, требовательно. Оно не знало новых слов. Ему и не требовалось — достаточно было обещания следующего ответа.

Я затянула мешок. Внутри ещё несколько секунд шевелилось серебряное сияние, затем аварийная соль поглотила его.

На полу остался осколок оправы. Тиль подняла его щипцами и посветила сверху.

Под золотым напылением проступил ряд цифр и букв.

— Не серийный номер, — сказала она.

Я достала пакет с фонарной пылью, оставленный Арденом. Янтарные крупинки легли точно в бороздки кода.

НП-6 / К-19 / 00:41.

Ночная перенастройка, сектор шесть, контур девятнадцать. Время запуска — через двадцать три минуты.

— Где этот контур? — спросила Тиль.

— Распределительная башня на площади Ткачей.

Эд поднял голову.

— Там я получил короб. Мужчина не называл имени. Сказал, что мать устала ждать, пока артель разрешит ей говорить.

— Он стоял под верхним светом?

— Под белым. А его тень — в боковом коридоре. Я решил, это служащий.

Служащий и тень могли быть двумя продавцами. Или одним договором.

— Что вы отдали кроме денег? — спросила я.

Эд посмотрел на погасший подлинный футляр.

— Адрес, по которому мать получала письма до смерти.

Секрет оказался не о любви и не о выборе. Обычный адрес, сознательно скрытый от чужих людей. Бирже не требовалась великая тайна: ей требовалось приучить покупателя платить сведениями за надежду.

Тиль запечатала осколок вместе с отказом Эда.

— Этого мало, — сказала она, разглядывая квитанцию. — Если короб пришёл из башни, они объявят, что он был нашим и повредился у адресата.

Эд вскинул голову.

— Я его не повреждал.

— Повредила Нора. По вашей просьбе и по правилу уничтожения опасной подделки. Но у нас есть только наши подписи. Для Сены этого достаточно, для Инспекции — пока не решат иначе.

В старой артели такую фразу произносили шёпотом, будто закон мог слышать сомнение и обидеться. Тиль сказала её спокойно. Она была младше меня на семь лет и лучше помнила, что печать — всего лишь обещание учреждения вести себя последовательно.

— Нужен независимый свидетель, — сказала я.

— Соседка снизу слышала, как я ломился в дверь, — признался Эд. — Но я не стану втягивать её в это.

На стене возле выключенной лампы его тень дёрнулась. Он сознательно скрывал причину. Если бы янтарный свет ещё горел, фигура уже склонилась бы к его уху с предложением.

— Не называйте причину, — сказала я. — И не зовите человека, которому не хотите объяснять риск. Свидетель может подтвердить оболочку, не узнавая содержание.

Тиль достала из сумки складной экран. Обычно мы ставили его между адресатом и помощником курьера, если разрешение допускало присутствие второго человека, но не просмотр следа. Экран состоял из трёх пластин: матовой, зеркальной и чёрной. В правильном порядке они пропускали только контур предмета и цвет пломбы.

— Можно вызвать ночного хранителя подъезда, — предложила она. — Он засвидетельствует два одинаковых номера, золотую карточку и разрушение после отказа. Лица Селмы не увидит, вопрос не услышит.

— А если он спросит, что было внутри? — сказал Эд.

— Ответите, что это не входит в свидетельство.

Эд провёл ладонью по пустому стулу. След матери уже исчез, но он всё ещё смотрел туда, куда она посмотрела перед угасанием.

— Позовите.

Хранительницей оказалась женщина в стёганом синем халате поверх форменной рубашки. Она представилась Раной Дор, показала медный жетон и сразу потребовала включить верхний плафон на полную мощность. Потом сама прошла по прихожей с маленьким угольником, проверяя направление света.

— Два градуса уклона к окну, — сообщила она. — Допустимо. Боковые лампы останутся выключенными. Что от меня требуется видеть?

Не «что произошло», а именно «что видеть». Я мысленно поблагодарила неизвестного человека, который обучал ночных хранителей.

Мы поставили экран на стол. С моей стороны остались чёрный мешок с разбитой подделкой, золотая карточка и подлинный погасший футляр. Со стороны Раны были видны только две номерные пластины. Я не произнесла имя Селмы и прикрыла строку вопроса ладонью.

— Сравните номера, — сказала я.

Рана надела увеличительное стекло.

— МС-1148 и МС-1148. Начертание одинаковое. На левом экземпляре синяя пломба артели, целая до открытия по сроку. На правом... пломбы нет. Есть золотой клей по краю карточки.

— Подтверждаете только увиденное, — напомнила Тиль. — Происхождение не предполагаете.

— Девушка, я тридцать лет подтверждаю протечки, драки и людей, которые «просто прислонились» к чужой двери. Предполагать мне запретили ещё до вашего рождения.

Она потребовала показать бойок. Проверила номер на рукояти, срок поверки и целостность ампулы с аварийной солью. Я впервые подумала, что этот скучный перечень защищает не учреждение от нас, а нас от будущей удобной лжи.

— Основание разрушения? — спросила Рана.

Эд выпрямился.

— Мой добровольный отказ как названного адресата.

— От чего именно?

Он посмотрел на золотую карточку. Та снова шевельнула буквами под моей ладонью, пытаюсь подобрать обещание, от которого ему будет труднее отказаться.

— От открытия второго футляра с этим номером и от любых ответов из него, — произнёс Эд. — Я не подтверждаю, что внутри была моя мать.

Это уточнение придумал он сам.

Тень у его ног не исчезла, но стала обычнее: неровный серый контур человека под потолочным светом. Названный отказ нельзя было перепродать ему как секрет.

Рана записала формулировку на отдельной полоске, не соединённой с номером квартиры. Тиль приложила половину курьерской печати; вторую половину оставила хранительница. Получилось доказательство, которое никто из нас не мог изменить в одиночку.

— Теперь остатки, — сказала Рана.

Я развязала мешок ровно настолько, чтобы высыпать осколки в матовый лоток. Серебряное сияние уже погасло. Среди стекла лежали тонкие полоски зеркальной фольги, чёрные с одной стороны и мутные с другой.

Майра учила меня смотреть на сломанный предмет не как на мусор, а как на последнюю честную версию его устройства. Подделка могла лгать лицом, но трещина не умела выбирать слова.

Я раздвинула осколки щипцами. В настоящем футляре отражающий слой наносили единым кругом: записанный взгляд всплывал из центра и угасал к оправе. Здесь фольга была порезана узкими лепестками. Каждый отражал Эда под чуть иным углом.

— Она собирала лицо из адресата, — сказала Тиль.

— Не только лицо. Смотри на кромки.

На каждом лепестке темнела янтарная полоска. Такая же пыль осталась в креплении футляра Орана, который Майра разбирала в мастерской. Но сейчас мы видели назначение: боковой свет проходил по лепесткам, снимал микроскопические изменения выражения адресата и возвращал их как мимику умершего.

Эд шагнул к столу.

— Значит, когда она говорила...

— Короб видел, какой ответ вы готовы принять, — сказала я. — Слов было мало. Остальное достраивали вы.

— Я слышал её голос.

— Вы слышали свой голос, изменённый оболочкой.

Он отвернулся к окну. Я могла бы утешить его: сказать, что любой ошибся бы, что надежда снимает ответственность. Но он не ошибся однажды и навсегда. Он купил обещание, впустил его в дом, а потом отказался открыть, когда ещё мог выбрать. Это было тяжелее утешения и честнее.

— Подлинный след тоже использовал стекло, — сказал он через некоторое время. — Почему ему я должен верить?

— Не должны. Проверять — ваше право. Подлинность не означает, что вы обязаны хранить запись или строить жизнь вокруг одного кивка.

— Тогда что он доказал?

Я посмотрела на пустой стул.

— Только то, на что Селма согласилась ответить: она знала, что вы вернулись. Всё остальное по-прежнему принадлежит вам, а не футляру.

Эд медленно кивнул. Потом взял фотографию матери и положил её изображением вниз. Не разбил, не спрятал — просто лишил комнату ещё одного лица, которое могло смотреть за него.

Рана закончила опись и оторвала свою половину квитанции.

— Если Инспекция спросит, я подтверждаю два номера, добровольный отказ и устройство из лепестков. Имя на фотографии не подтверждаю. Разговор не слышала.

— Вас могут вызвать ночью, — предупредила Тиль.

— Меня и так вызывают ночью. Поэтому должность так называется.

У двери она остановилась рядом с решётчатой лампой.

— Эту дрянь вам кто поставил?

— Служба модернизации, — ответил Эд. — Бесплатно. Сказали, боковой свет помогает пожилым различать ступени.

Рана сняла с крепления узкую медную бирку. Под слоем краски обнаружился тот же знак сектора: шестёрка в разомкнутом круге.

— В трёх домах на улице такие, — сказала она. — Поставили на прошлой неделе. Всегда напротив дверей, где недавно был траур.

Тиль и я переглянулись. Дубликат не просто нашли покупателя возле башни. Сеть заранее подготовила свет в его доме, чтобы оболочка могла читать лицо, а тень — скрываемое.

— Запишите адреса без имён жильцов, — попросила я.

— Нет. — Рана убрала бирку в карман. — Я передам их сама по запросу с точным основанием. Вы только что объясняли человеку, что границы работают именно так.

Мне пришлось улыбнуться.

— Объясняла.

Это было первое доказательство за ночь, которое мне не отдали. И, пожалуй, поэтому я поверила ему сильнее остальных.

— Зовём Инспекцию?

Я подумала о метке в чайной банке. Арден нарушил границу, но оставил пробу, по которой мы нашли код. Правильный поступок не стирал неправильного. Неправильный не делал улику менее срочной.

— Передадим код по нашему соглашению, — сказала я. — Без имени Эда и содержания следа.

— А сами?

Я посмотрела на время. До перенастройки оставалось двадцать одна минута.

— Проверим, почему башня выпускает посылки, которые приходят дважды.

Под потолком на миг потускнел белый плафон. В чёрном окне появилась длинная фигура, хотя рядом никто не стоял.

Она приложила палец к губам.

А потом указала в сторону площади Ткачей.

Глава 5. Белый свет, чёрный рынок

К башне мы пришли за четыре минуты до перенастройки.

Она стояла посреди площади Ткачей, белая и узкая, как свеча, которую никто не решался погасить. От её вершины расходились линии фонарной сети. Днём их принимали за провода. Ночью по стеклянным жилам бежал холодный свет, и весь Лиор зависел от того, под каким углом он упадёт.

Тиль хотела идти со мной.

— Ты остаёшься у наружного узла, — сказала я. — Если контур девятнадцать включится раньше, перекроешь обратный ответ.

— А если не смогу?

— Разобьёшь приёмник.

— Сена снимет с меня премию.

— Я дам письменное разрешение.

— Тогда снимет с тебя.

— Это её любимый порядок вещей.

Мы передали код на служебную линию Ардена. Без имени Эда, без номера подлинного футляра, без вопроса Селмы. В ответ пришла одна строка: Не входить. Ждать у северной двери.

Я вошла через южную.

Не из упрямства. Северная дверь находилась под двумя боковыми прожекторами, поставленными так, что любой сознательно скрываемый факт становился доступен ближайшей тени. Южный вход предназначался для курьеров и освещался сверху.

Я показала дежурному осколок в прозрачном пакете.

— Возврат ошибочной оболочки. Код вашего узла.

Он едва взглянул на печать артели и пропустил меня. Значит, либо ждал такой возврат, либо в башне давно отучились считать курьеров людьми, способными заметить дверь.

Внутри пахло горячим металлом и мокрым камнем. Белые лестницы огибали центральную шахту, где медленно поднимались стеклянные цилиндры. Каждый нёс порцию света в отдельный квартал. Возле цилиндров работали люди в серых халатах, а их тени лежали строго под ногами — маленькие, безопасные, почти приличные.

На площадке третьего яруса меня встретил Вар Кест.

Я узнала его по портретам в городских ведомостях: начальник распорядительной службы, человек, который три года подряд обещал заменить старые фонари и каждый раз находил причину сначала расширить собственное управление. В жизни он оказался моложе официального лица. Светлые волосы, мягкие перчатки, улыбка хозяина дома, где все двери запираются снаружи.

— Курьер Вель, — сказал он. — Какая редкая пунктуальность.

— Вы меня ждали?

— Башня ждала возврат на контур девятнадцать. Конкретное лицо — приятное дополнение.

Он протянул руку к пакету. Я не отдала.

— Сначала акт приёма.

— Конечно.

Вар жестом пригласил меня в кабинет со стеклянными стенами. Там не было ни одного бокового источника. Свет лился с потолка ровным молочным квадратом, и тень Вара собиралась у каблучков аккуратным пятном.

На столе уже лежал акт с номером МС-1148.

— Быстро печатаете, — заметила я.

— Ночью сеть быстрее людей. В этом её преимущество.

— И главная проблема.

Он сел, оставив мне стул напротив.

— Полагаю, вы нашли двойную оболочку. Неприятный результат модернизации. Старые приёмники иногда повторяют служебный номер при перенаправлении света.

— И печатают обещания полного разговора?

— Подрядчики бывают изобретательны в рекламе.

— Подделка знала скрытое желание адресата.

Улыбка Вара не исчезла. Просто перестала относиться ко мне.

— Люди часто принимают точную рекламу за чудо.

— А чужую память — за товар.

— Разве ваша артель делает не то же самое?

— Мы доставляем границу, которую оставил умерший.

— Вы продаёте четыре минуты молчания и называете это этикой. Я предлагаю спрос.

Вот теперь он говорил от первого лица.

Я положила пакет на стол, но придержала край пальцами.

— Код НП-6 / К-19 запускается в ноль сорок одну. Зачем подделке время перенастройки?

— Чтобы вернуться на утилизацию.

— Она должна была удержать покупателя у стекла.

— Одно не исключает другого.

За стеклянной стеной погас один цилиндр. Рабочие даже не подняли головы. По шахте снизу вверх прокатилась янтарная полоса.

До ноля сорока одной оставалось меньше минуты.

— Подпишите акт, — сказала я.

Вар вынул серебряное перо.

— С удовольствием. Но возврат должен пройти очистку вниз.

Он нажал ладонью на стол. Стеклянная стена разошлась, открывая служебный коридор, которого с лестницы не было видно.

Там горел боковой свет.

Вдоль стен стояли люди — или сначала мне так показалось. Потом один силуэт сложился пополам и протёк под закрытой дверью. Другой висел на стене без владельца, держа в вытянутых ладонях чёрные конверты. Третий отделял от себя узкие полоски, и каждая шептала чужим голосом:

— Он подделал подпись.

— Она не сожгла письмо.

— Они знают, чей это ребёнок.

Напротив теней сидели покупатели. Они платили не монетами. Под направленным лучом человек произносил: «Я скрываю...» — и замолкал. Тень сама снимала продолжение, запечатывала его в полосу света и отдавала продавцу. За один секрет покупатель получал другой.

Белый свет наверху был витриной. Чёрный рынок жил в его боковом излишке.

— Вы называете это очисткой? — спросила я.

— Обменом, — ответил Вар. — Добровольным в той же степени, что ваши разрешения.

— Умершие дают разрешение до смерти. Ваши клиенты платят под давлением обещания.

— Надежда — не давление.

— Если за следующий ответ приходится отдавать следующий секрет, это поводок.

Он подписал акт и положил поверх пакета.

— Вы хорошо формулируете, Нора. Поэтому вам стоит принять моё предложение. Централизованные маршруты. Защищённые оболочки. Ни один курьер больше не отвечает за чужое горе в одиночку.

— А сеть получает все адреса.

— Только для безопасности.

Я подумала об Ардене и почти рассмеялась. У власти был скудный словарь: всякий доступ она называла безопасностью.

Я забрала подписанный акт.

— Нет.

В ноль сорок одну янтарная полоса вспыхнула во всём коридоре.

Тени повернулись ко мне одновременно.

Я сознательно скрывала несколько вещей: квитанцию Лиссы, лицо Эда, договор с Арденом, страх за Тиль у наружного узла. Нужно было перестать держать их внутри как единый запертый ящик.

Я вслух перечислила то, что могла открыть без вреда:

— Я пришла с южной двери. В кармане у меня пустой пакет для улик. На правом сапоге треснула пряжка. Я не собираюсь покупать ни одного ответа.

Тени дрогнули, перебирая открытые факты. Но одна осталась неподвижной. Высокая, с разорванным кольцом на запястье.

Тень Ардена.

— Ты несёшь последнюю волю женщины, которую не сумела спасти, — сказала она.

Голос был похож на скрип фонарного крепления.

Я не ответила.

— Ты боишься не смерти, курьер. Боишься открыть квитанцию поздно и узнать, что обещание уже нарушено.

Свет нацелился мне в лицо. Страх обрёл форму, а значит, тень могла снять его целиком.

Я шагнула назад, но стеклянная стена закрылась. Вар остался по другую сторону, наблюдая с вежливым сожалением.

— Назови адресата Лиссы Орн, — предложила тень. — Я скажу, почему она выбрала тебя.

Ловушка была устроена точно. Не угроза, а ответ на вопрос, который я запрещала себе задавать с ночи её смерти.

— Лисса выбирала курьеров по маршруту, — сказала я. — Не по любви.

— Ложь.

— Нет. Неполный факт.

Я закрыла глаза. Тень читала скрываемое только при направленном свете. Зрение не было обязательным для секрета, но помогало свету удержать человека в собственной обороне. Я перестала защищать вопрос. Лисса могла выбрать меня из доверия, из расчёта, из вины. Ни один ответ не давал тени права на имя адресата.

— Я хочу знать почему, — произнесла я. — И всё равно не заплачу чужим именем.

Секрет стал признанием. Луч потерял опору.

Тень метнулась по стене и ударила в аварийную решётку. В коридоре зазвенели чёрные конверты. Покупатели вскочили. Кто-то закричал, когда проданный секрет вернулся к его ногам.

Дверь в конце коридора распахнулась.

Арден шёл против бокового света с двумя белыми фонарями, направленными строго сверху. Его собственной тени под ногами не было. Зато отделившаяся фигура на стене выгнулась, словно её потянули крюком.

— Отойти от линии! — приказал он.

Я не любила приказы, но линии не любила ещё сильнее. Перешагнула медную дорожку на полу. Арден бросил один фонарь мне; я поймала и подняла над головой. Белый круг прижал ближайшие тени к стенам.

— Северная дверь, — сказал он, когда оказался рядом.

— Была ловушкой.

— Поэтому я велел ждать у неё, а не входить.

— Формулируйте яснее.

— Вы спорите во время облавы?

— Вы проводите облаву без свидетелей?

За стеклом Вар Кест спокойно складывал бумаги в портфель.

— Он уйдёт, — сказала я.

— Пока у меня нет основания его задержать.

— Перед вами рынок секретов.

— Передо мной служебный коридор и люди, которые заявят о добровольном обмене.

Нужны вещественные доказательства.

Я подняла пакет с осколком.

Арден забрал его вместе с актом.

— Это моё доказательство.

— Уже нет. Код относится к преступлению в фонарной сети.

— В акте стоит подпись Вара.

— Поэтому улика должна остаться целой.

— Копия мне.

— После регистрации.

Он снова получал доступ правильными словами. Но сейчас вокруг нас тени рвали конверты, и каждая минута спора уничтожала чужие признания.

— Хорошо, — сказала я. — При условии: ни имени Эда, ни содержания доставки в протоколе.

— Эда?

Я закрыла глаза на секунду.

— Именно поэтому условия записывают заранее.

Из дальнего конца коридора донёсся сухой треск. Один из покупателей наступил на чёрный конверт, и тот раскрылся, как обожжённый лист. Полоса света выползла наружу и заметалась между стенами, пробуя голоса:

— Я знала... Я знала... Я знала...

Женщина у медной линии бросилась к ней. Арден загородил дорогу фонарём.

— Не прикасаться. Это вещественное доказательство.

— Это моё, — сказала женщина. — Я отдала это пять минут назад.

— Вы не можете подтвердить содержание, не произнеся его при боковом свете.

— И поэтому оно теперь ваше?

Арден застыл. Вопрос был несправедлив только наполовину, а половинная несправедливость обычно ранит точнее полной.

Я опустила полученный фонарь чуть ниже, сохраняя верхний угол, и раскрыла складной курьерский экран. Матовая створка скрыла женщину от коридора, зеркальная вернула полосе её собственный свет, чёрная отсекала отражение от глаз остальных.

— Сколько таких экранов в башне? — спросила я у ближайшего служащего.

Он растерянно посмотрел на Вара за стеклом.

— В шкафу аварийного затемнения должно быть шесть.

— Несите все.

— Вы не имеете права распоряжаться персоналом сети, — мягко напомнил Вар.

— Верно. — Я повернулась к служащему. — Поэтому прошу вас добровольно помочь людям не потерять ещё больше, чем они уже отдали. Отказ запишем и не станем оспаривать.

Служащий снова посмотрел на Вара, потом на женщину за экраном. Снял с пояса ключ и побежал к стенному шкафу.

Мы поставили экраны поперёк коридора, разделив рынок на узкие кабины. Покупатели оказались перед выбором, которого им не предлагали при входе: оставить конверт опечатанным до разбирательства, уничтожить его без просмотра или заявить о принуждении, не раскрывая самого секрета. Арден начал привычно диктовать порядок изъятия, но я забрала у него чистый бланк.

— Сначала границы показаний.

— Сейчас не артельская доставка.

— Именно. У вас нет заранее оставленного разрешения. Значит, границы должен назвать живой владелец.

Я написала три короткие строки и показала женщине через матовую створку:

Подтверждаю факт обмена.

Не разрешаю вскрывать или воспроизводить переданное содержание.

Выбираю: хранение до суда / уничтожение при свидетелях.

— А вернуть? — спросила она.

— Я не знаю, можно ли вернуть снятый тенью секрет так, чтобы он перестал существовать у продавца. Обещать не буду.

Это разозлило её сильнее утешительной лжи, но она всё же выбрала уничтожение. Мы не могли использовать аварийную соль: она предназначалась для зеркальных оболочек и могла разбросать световой слепок по сети. Тиль по переговорной подсказала другое — закрыть конверт между двумя глухими пластинами и снять направленный луч одновременно с обеих сторон.

— Нужны два независимых выключателя, — сказала она. — Иначе тень успеет переписать полосу в момент гашения.

Арден нашёл щиток внутреннего света. Я попросила служащего у наружного узла держать второй рубильник. Женщина сама отсчитала до трёх. Свет погас с двух концов, и голос под пластинами оборвался на середине слова.

Когда мы подняли верхний фонарь, между створками лежала серая нить. Ни Вар, ни Инспекция уже не могли её прочесть. Я запечатала нить в пустой пакет и написала на нём не имя, а выбранное женщиной обозначение: Владелица 1. Уничтожено по требованию.

— Вы уничтожили улику, — сказал Арден.

— Мы сохранили факт сделки, подпись владельца, место, время и способ уничтожения. Содержание не доказывает принуждение. Оно лишь делает пострадавшую удобнее для следующего вымогателя.

Он посмотрел на бланк, потом переписал мои три строки в свой протокол и добавил четвёртую:

Раскрытие содержания не требуется для регистрации заявления.

— Так устроит?

— Пока вы не оставите внизу пустое место для позднего разрешения.

Он провёл черту через остаток страницы и поставил печать на самом краю.

Следующим подошёл пожилой мужчина в праздничном жилете. Он выбрал хранение до суда и потребовал, чтобы ключи от светонепроницаемого ящика находились у двух разных людей.

— Один у Инспекции, второй у меня, — предложил Арден.

— Нет, — ответил мужчина. — Вы пришли вместе.

— Мы не вместе, — сказали мы с Арденом одновременно.

Мужчина впервые за весь разговор усмехнулся.

— Тем более. Второй ключ отдайте кому-нибудь, кто не считает этот спор личным.

Служащий в сером халате поднял руку. Его звали Ол Нер, и он обслуживал верхние цилиндры. Он не видел содержимого конвертов и не участвовал в обменах, зато последние три месяца записывал необычный расход янтарного света. Вар называл его отметки погрешностью старых счётчиков.

— Я могу принять ключ как дежурный по безопасности, — сказал Ол. — Если в акте будет указано, что это не разрешение на открытие.

Арден составил акт. Мужчина прочитал его дважды и заставил заменить слово «изъято» на «принято на ограниченное хранение». Потом только передал конверт щипцами.

Так мы прошли вдоль коридора. Из одиннадцати покупателей четверо потребовали уничтожения, трое — раздельного хранения, двое отказались от любых действий и ушли со своими конвертами. Арден предупредил их о риске, но не задержал. Один человек продолжал утверждать, что купил секрет добровольно и желает дослушать. Я поставила ему экран и попросила подтвердить лишь одно: понимает ли он, что следующий ответ потребует новой платы.

— Это моё дело.

— Да.

Он ждал возражения. Не получив его, спрятал конверт во внутренний карман. Его тень прилипла к стене на полшага дальше, чем должна была. Я могла назвать это вслух, могла испугать его примером отделившейся тени Ардена. Но страх — такой же боковой свет, если им направляют человека к нужному решению.

— Если передумаете, — сказала я, — не открывайте конверт в одиночку и не платите новым скрытым фактом. В акте есть номер безопасного верхнего пункта.

Он ушёл, так и не поблагодарив. Право отказаться от нашей помощи не нуждалось в благодарности.

Последней осталась девочка в слишком большом пальто. На вид ей было лет шестнадцать. Она держала пустые ладони и смотрела, как тень на стене перебирает чёрные полосы.

— Мой конверт у неё, — сказала девочка. — Я ещё не получила ответ.

— Что ты передала? — начал Арден.

Я наступила ему на носок.

— Не содержание, — поправился он. — Ты сама согласилась на обмен или кто-то привёл тебя сюда?

— Мне сказали, что брат оставил сообщение. Он умер зимой. У вашей артели ничего не было.

— Если отражение не записывали при жизни, его нельзя восстановить после смерти, — сказала я.

— Знаю. Поэтому я пришла сюда.

Тень над ней вытянула полосу. На ней проступило лицо юноши, собранное слишком гладко, без случайных движений и усталости. Оно улыбнулось именно тогда, когда девочка подняла глаза.

— Ты всё сделала правильно, — произнесло лицо.

Она вздрогнула. Всего пять слов, и все такие, какие человек хочет услышать от умершего, если последнее расставание закончилось ссорой.

— Это не он, — сказала я.

— Я знаю.

Но она не уходила.

Я не стала повторять. Доказательство, сказанное дважды, легко превращается в приказ переживать горе правильно.

— Можем закрыть лицо, — предложила я. — Не уничтожать. Просто убрать направленный свет на десять минут. Потом ты решишь снова.

Она кивнула.

Ол принёс непрозрачный кожух для ремонтного цилиндра. Мы опустили его между девочкой и полосой. Голос за кожухом ещё несколько раз повторил: «Ты всё сделала правильно», потом стих — без взгляда слушателя ему нечем было питаться.

Десять минут мы сидели на полу под верхним светом. Арден стоял у входа и не задавал вопросов. Вар оставался за стеклом; портфель уже был закрыт, однако он почему-то не уходил. Возможно, хотел посмотреть, сколько времени стоит настоящее согласие.

— Брат сказал бы иначе, — наконец произнесла девочка. — Сначала обозвал бы меня душой. Потом спросил бы, поела ли я.

— Похоже на человека, а не на товар, — сказала я.

— Уничтожьте.

Она сама выбрала обозначение для акта — Сестра без ответа — и сама дала команду двум выключателям. Когда серая нить легла между пластинами, девочка не стала просить её на память.

Ол Нер передал Ардену журнал расхода. Не оригинал — заверенную техническую копию за семь смен. В каждой строке лишний янтарный импульс совпадал с временем, когда покупателя проводили в коридор.

— Вот вещественная связь, — сказала я. — Без единого украденного признания.

Арден пролистал страницы.

— Этого хватит, чтобы опечатать коридор до проверки.

— Но не задержать Кеста, — заметил Вар из кабинета.

— Пока нет, — согласился Арден.

Вар улыбнулся. Он счёл это победой. Я — обещанием, которое инспектору теперь придётся выполнить.

Арден почти улыбнулся, но тут его тень бросилась к аварийному щитку. Он развернул второй фонарь, отсекая её белым лучом.

— Идите, Нора.

— Тиль у наружного узла.

— Уже перекрыла обратный ответ. Разбила приёмник.

— Сена снимет с неё премию.

— Я дам письменное показание.

— Тогда снимет с вас.

— Переживу.

Вар вышел из кабинета через верхнюю лестницу. На прощание он коснулся стекла двумя пальцами.

— Моё предложение останется в силе, — сказал он. — Когда ваша артель поймёт, что границы слишком дороги.

— Дорогими их делаете вы.

— Нет. Горе.

Он ушёл под безупречно белым светом, и его тень послушно последовала за ним.

Арден открыл мне служебную дверь. Перед тем как выйти, я оглянулась на коридор. Покупатели собирали с пола собственные чёрные конверты, не зная, какие из них ещё запечатаны. Отделившаяся тень Ардена стояла далеко на стене.

Она беззвучно повторила два слова:

Адресат Лиссы.

Теперь Вар знал, чего я не отдала.

А Арден унёс единственный осколок, который мог привести нас обратно.

Глава 6. Договор на одну ночь

В Инспекции договоры писали на бумаге, которая темнела от чужого дыхания.

Арден объяснил это защитой от подмены. Я решила, что ведомству просто нравилось видеть, сколько людей задерживали воздух перед подписью.

Мы заняли комнату для опросов на первом этаже. Здесь не было зеркал, боковых ламп и окон. Единственный фонарь висел точно над столом, так что наши тени должны были лежать под стульями. Моя лежала. Место тени Ардена оставалось пустым.

За дверью спорили задержанные покупатели с рынка. Один требовал вернуть чёрный конверт, потому что заплатил за него семейным признанием и теперь считал себя законным владельцем. Другой настаивал, что ничего не покупал, только слушал. От каждого громкого слова бумага перед нами становилась серее.

Арден положил на стол пакет с осколком МС-1148.

— Зарегистрирован под двумя печатями. Копию акта получите после рассвета.

— До рассвета Вар сменит половину кодов.

— Уже сменил. Его служба объявила аварийную перенастройку.

— Тогда вы изъяли единственную улику ровно вовремя, чтобы она перестала вести к действующему контуру.

— А вы вошли в башню ровно вовремя, чтобы Вар понял, какой маршрут нас интересует.

Мы посмотрели друг на друга. Если бы взаимное раздражение давало свет, Лиору больше не понадобились бы фонари.

— На одну ночь, — сказал Арден.

Он вынул из папки чистый лист.

— Что на одну ночь?

— Соглашение. Вы показываете мне обезличенные маршруты с исчезнувшими посылками. Я показываю журнал переключений. В шесть утра доступ закрывается, копии сверяются и уничтожаются.

— У вас нет права требовать маршруты.

— Поэтому предлагаю договор.

— У вашей тени есть привычка продавать служебные сведения.

— Поэтому комната без бокового света, журналы без свидетельских показаний и срок до рассвета.

Он говорил так, будто заранее прошёл весь спор и оставил мне только наиболее неудобную правду: в одиночку я могла сохранить границы доставки, но не сопоставить их с сетью.

Я придвинула лист к себе.

— Пишу я.

— У меня ведомственный бланк.

— А у меня опыт чтения ваших пустых строк.

Я провела ногтем по бумаге. Защитное покрытие было целым. Потом достала курьерский карандаш — простой графит, который нельзя было заставить проявить второй текст нагревом или фонарным импульсом.

— Предмет доступа: номера маршрутов, минуты входа в окно доставки, номера световых узлов, отметка о сохранности оболочки. Без имён, адресов, содержания, условий разрешений и вопросов адресатов.

Арден кивнул.

— С моей стороны: журнал переключений за те же даты. Без фамилий дежурных и заявителей.

— Фамилии дежурных могут быть существенны.

— А имена адресатов, по-вашему, нет?

— Адресат не выбирал работать на Вара Кеста.

— Дежурный мог тоже не выбирать.

Я остановила карандаш. Это был хороший ответ, и оттого особенно раздражал.

— Тогда псевдонимы, — сказала я. — Один и тот же дежурный обозначается одинаково во всех строках. Если найдём связь, запросим отдельное согласие или ордер.

— Согласен.

— Никакого доступа к футляру Лиссы.

— Если её квитанция окажется связана с протоколом сети, я должен увидеть техническую часть.

— Условие без имени и содержания. Только при моём присутствии. Запрещены копирование, снятие светового слежка и касание метки наблюдения.

— Вы уже нашли метку?

— Моя сестра нашла.

Арден впервые за вечер отвёл взгляд.

— Она не читает содержание.

— Она сообщает вам перемещение.

— Да.

— Уберите её.

— Пока действует расследование — нет.

Я перечеркнула верхнюю строку и начала заново.

— Тогда договора не будет.

В коридоре хлопнула дверь. На секунду под ней легла косая полоса света. Пустое место возле ног Ардена дрогнуло, будто кто-то снаружи потянул невидимую нить. Он встал и прижал ладонь к щели, пока дежурный не закрыл заслонку.

— Метка останется на квитанции, — сказал он, возвращаясь. — Но я отдам вам ключ проверки. Вы сможете видеть каждый запрос к ней. Если запрос будет шире времени и номера маршрута, соглашение прекращается, а запись о нарушении автоматически уйдёт в надзорную палату.

— Ключ нельзя отозвать?

— Нельзя без двух подписей, одна ваша.

Я снова взяла карандаш.

— Это впишите вы. Собственной рукой.

Он вписал.

Мы добавили запрет на устные дополнения, запрет на «неотложное расширение» и отдельную строку: признание одной стороны не создаёт обязательства другой раскрывать встречный факт. На этой строке Арден задержал перо.

— Для чего это?

— Чтобы вы не покупали доверие собственной виной.

— Я не покупаю.

— Тогда условие вам не мешает.

Он подписал. Бумага под его ладонью не потемнела: дыхание оставалось ровным.

Я поставила подпись рядом и записала время: два часа двенадцать минут. До шести оставалось меньше четырёх часов.

Архив артели мы открыли через удалённый терминал. Сена ответила только после третьего вызова. Её лицо появилось в матовом круге без привычной строгости — волосы не собраны, на плечи наброшен старый курьерский плащ.

— Нора, ты должна быть у Майры.

— Я должна понять, сколько доставок исчезло.

— Ни одна не исчезла. Были задержки и ошибки регистрации.

Арден молча поднял соглашение к экрану.

Сена прочитала первые строки и посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который сам вынес из дома фамильное серебро.

— Ты дала Инспекции маршруты?

— Номера и минуты. Без людей.

— Лисса учила тебя не смешивать опеку и согласие.

— Именно поэтому я не спрашиваю вашего разрешения на доступ к журналу, который веду сама.

За спиной Сены кто-то прошёл. Возможно, ночной архивист. Возможно, человек, которому она не хотела показывать наш разговор.

— Контрольная серия за два года, — сказала она после паузы. — Только повреждённые, потерянные или возвращённые оболочки. Экспорт закроется через час.

— До шести, — возразила я.

— Артель не подписывала ваш договор.

— Этих данных хватит, — сказал Арден.

— Я с вами не разговариваю, инспектор.

— Это взаимно облегчает работу.

Сена отключилась. На столе загорелись двадцать семь строк. Номера доставок, время, узел, короткая отметка: «возврат», «опоздание», «пустая рама», «адресат не найден». Ни одного имени.

Арден подключил свой журнал. В нём было больше девяти тысяч переключений: белые, янтарные, аварийные; плановые ремонты и короткие импульсы, которые город обычно не замечал.

Первые полчаса мы спорили о порядке.

Я хотела идти от оболочек: каждая была отдельным обещанием, нарушенным определённым способом. Арден хотел идти от света: сеть не знала обещаний, зато знала минуты.

— Если искать только одинаковые узлы, пропустим переносные ретрансляторы, — сказала я.

— Если искать только повреждения, утонем в человеческих ошибках.

— Человеческая ошибка имеет почерк.

— У света тоже.

В конце концов мы сделали две колонки. Я читала строку артели, он находил все изменения света за восемь минут до и после неё. Мы не называли места. Только номера.

МС-0904. Оболочка вернулась пустой. За три минуты до начала доставки узел сменил верхний свет на аварийный янтарный.

МС-0971. Курьер пришёл вовремя, адресат не открыл дверь, хотя позже утверждал, что ждал. За пять минут до окна в его квартале прошёл служебный импульс.

МС-1028. Разрешение оказалось чистым после регистрации. Переключение — за четыре минуты.

МС-1063. Дубликат нашли через неделю. Переключение — за четыре минуты.

МС-1102. Пустая рама. Четыре минуты.

На восьмой строке я перестала диктовать.

— Что?

— Мы ищем отклонение от начала доставки.

— Разумеется.

— А нужно от полуночи.

Я развернула список и отметила абсолютное время. Первые случаи казались разбросанными: двадцать три сорок семь, двадцать три пятьдесят одна, двадцать три пятьдесят шесть.

Но это было время обнаружения. Служебный импульс каждый раз проходил в двадцать три пятьдесят шесть.

За четыре минуты до полуночи.

Арден проверил следующую дату. Потом ещё одну.

— Здесь указано ноль ноль четыре, — сказал он.

— Смена суток. Посмотрите исходный день журнала.

Он нашёл импульс. Двадцать три пятьдесят шесть.

Мы молчали, пока верхний фонарь тихо гудел над столом.

— Ноль сорок одна в башне была точкой возврата дубликата, — сказала я. — Но внедрение происходило раньше. В одну и ту же минуту оболочки получали команду, а потом могли исполнить её на любом боковом свете.

— Общегородской служебный протокол, — ответил Арден. — Короткий, чтобы не попал в суточную сводку. Он маскируется под проверку смены даты.

— Кто имеет доступ?

— Распорядительная служба и два инспектора высшего допуска.

— Вы?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

Я не стала спрашивать, кто именно. По договору фамилии были закрыты, а догадки не становились честнее от настойчивости.

Арден вывел технические обозначения импульсов. Большинство назывались скучно: «переход суток», «сверка нагрузки», «обнуление счётчика». В повреждённых маршрутах рядом стояла ещё одна метка, настолько короткая, что глаз принимал её за отметку отказа оборудования.

ОТКАЗ / 4.

Я достала из внутреннего кармана квитанцию Лиссы. Она лежала в светонепроницаемом конверте Майры. На замке мерцала метка Ардена и новый маленький знак — ключ проверки, обещанный договором.

— Техническая часть, — напомнила я. — Не касаться.

— Я помню.

Я положила квитанцию под верхний свет и открыла только нижнюю полосу. Условие проступило серебром:

Адресат должен добровольно отказаться узнать один секрет.

Ниже, там, где раньше был чистый край, проявились четыре точки и тонкая дуга. Не слово — курьерский знак отказа, старый, почти вышедший из употребления.

Арден придвинул журнал, не касаясь квитанции. Метка ОТКАЗ / 4 повторяла рисунок: четыре точки под дугой.

— Это не просто условие доставки, — сказал он.

— Лисса никогда не оставляла случайных украшений.

— «Отказ» — закрытый протокол.

— Что он делает?

Арден не ответил.

Его дыхание впервые изменилось. Бумага договора между нами медленно потемнела с его стороны.

— Признание не создаёт обязательства раскрывать встречный факт, — напомнила я. — Но скрываемый служебный протокол в нашей общей выборке входит в предмет доступа.

— Он не скрываемый. Засекреченный.

— Для вашей тени разница существует?

Пустое место у его ног оставалось пустым. Но в вентиляционной решётке что-то сухо царапнуло металл.

Арден выключил терминал Инспекции, оставив на столе лишь скопированный технический фрагмент.

— Семь лет назад «Отказ» позволял временно не регистрировать маршрут фонарной сети, если раскрытие адреса угрожало свидетелю. Четыре минуты до полуночи запись держалась в промежуточном слое, затем либо переносилась в обычный журнал, либо уничтожалась двумя ключами.

— Удобное место для команды, которой не должно существовать.

— Протокол закрыли после утечки.

— После той, которую продала ваша тень?

Он посмотрел не на меня, а на стену без единого пятна света.

— Я отвечал за один из ключей. Свидетель должен был сменить дом до полуночи. Я скрыл от начальства, что дал ему ещё четыре минуты на прощание с дочерью. Моя тень сняла это под боковым аварийным фонарём и продала код людям, за которыми мы следили.

— Вы сознательно скрывали нарушение.

— Да.

— Трое свидетелей погибли.

— Отец, дочь и проводник.

Он произнёс это без просьбы о снисхождении. Именно поэтому мне пришлось напомнить себе, что точное признание ещё не было исправлением.

— Вы рассказали мне больше, чем требует договор, — сказала я.

— Чтобы вы понимали цену протокола.

— Я понимаю цену. Но это не аванс доверия, Арден.

— Я знаю.

— И не разрешение охранять меня против моей воли.

— Знаю.

— И не повод открыть вам адресата Лиссы.

— Я не прошу.

В его голосе не было ни обиды, ни обычной ведомственной твёрдости. Только усталость человека, который годами держал дверь закрытой и однажды понял, что замок стоит с неправильной стороны.

Мне захотелось коснуться его руки. Не утешить — проверить, настоящий ли этот покой после признания. Я не сделала этого. Желание, которое замечаешь вовремя, не обязано становиться поступком.

Вместо этого я подвинула к нему договор.

— Где был первый адрес «Отказа»?

— В старой красильне на канале. Сейчас там живёт адресат одной из ваших доставок.

— Имя?

— По моей части договора закрыто.

Я невольно усмехнулась.

— Учитесь быстро.

— Приходится. Курьеры формулируют яснее во время облавы.

Он нашёл строку в обезличенном журнале. Доставка была назначена на следующую ночь, но разрешение допускало досрочное вручение при присутствии инспектора световой сети. Один вопрос. Один взгляд. В отметке артели стояло: адресат заранее просил изменить вопрос.

— Он попытается подменить его, — сказала я.

— Тогда у меня появится основание открыть футляр.

— Нет. Тогда у меня появится основание отказать во вручении.

- Если попытка связана с «Отказом», оболочка становится уликой.
- После закрытия и под моей пломбой.
- Мы уже снова спорим.
- Значит, договор работает.

До шести оставалось девятнадцать минут. Мы выписали только номер красильни и время входа. Я закрыла квитанцию Лиссы, проверила журнал запросов к метке: один, сделанный в этой комнате, ровно в пределах договора.

Арден уничтожил временную копию переключений в моём присутствии. Я уничтожила выгрузку маршрутов. Два листа свернулись в серую пыль, не оставив читаемых полос.

Сам договор мы разделили по линии перфорации. Половина с его подписью досталась мне, половина с моей — ему.

- Срок истёк, — сказал Арден, когда часы показали шесть.
- И что теперь?
- Теперь у нас совместная доставка, на которую ни один из нас не согласился бы вчера.

Он открыл дверь. Утренний свет в коридоре был рассеянным и безопасным. На дальней стене не было его тени.

Но когда Арден пропустил меня вперёд, из вентиляционной решётки выпала узкая чёрная полоска. На ней проступили три слова:

Я тоже приду.

Глава 7. Чужой вопрос

Старая красильня стояла у канала и до сих пор пахла цветом.

Кирпичи у воды навсегда впитали синий, дверные косяки — ржаво-красный, а камни двора меняли оттенок после дождя. Теперь в бывших цехах жили люди, которым нравились высокие потолки и не мешало просыпаться с окрашенными подошвами.

Доставка МС-1161 предназначалась Грану Лоту, владельцу половины здания. Отражение оставил его старший брат Рем за три дня до смерти. Разрешённый вопрос был записан точно: Кому передать мастерскую на втором этаже?

Вчера Гран подал заявку на замену: Где хранится второй договор о наследстве?

Разница между вопросами измерялась одним этажом, несколькими комнатами и состоянием, ради которого родственники обычно переставали слышать слово «нет».

— Он имеет право попросить, — сказал Арден, пока мы шли вдоль канала.

— А я имею обязанность отказать.

— Если Рем оставил второй договор, ответ мог бы прекратить спор.

— Или начать новый. Но это не имеет значения. Рем разрешил спросить о мастерской.

Арден нёс верхний фонарь и запечатанный регистратор. После ночи в Инспекции он успел сменить рубашку, но не выражение лица. На его запястье была завязана белая нить — простой индикатор бокового света. Пока свет падал сверху, нить оставалась белой. При опасном угле должна была почернеть.

Я несла футляр. Его пломбу проверили Майра, Сена и я. Три подписи не делали оболочку честной, но заставляли ложь оставить больше следов.

— В красильне сохранился старый узел «Отказа», — сказал Арден. — Если появится служебный импульс, я должен его зафиксировать.

— Снаружи футляра.

— Мы это уже обсуждали.

— Соглашение истекло.

— Но память у меня пока осталась.

— Не хвастайтесь редким ведомственным свойством.

Он взглянул на меня, и угол его рта едва заметно поднялся.

Мы подошли к воротам за одиннадцать минут до окна. Над входом висел новый фонарь распорядительной службы. Белый плафон обещал верхний свет, однако крепление позволяло поворачивать его к стене.

Арден остановился.

— Вчера его здесь не было.

— Вы проверяли адрес?

— Внешний контур.

— Без имени жильца?

— Без имени.

Он достал мел и провёл черту под креплением. Если механизм начнёт поворачиваться, черта разорвётся.

Дверь открыл мужчина лет шестидесяти с гладко выбритым лицом и руками, на которых синий цвет въелся в ногти. Гран Лот посмотрел сначала на футляр, потом на Ардена.

— Инспектор не входил в условие.

— Его присутствие допускает досрочное вручение, — сказала я. — Содержание ему недоступно.

— Тогда пусть ждёт снаружи.

— Световой узел внутри здания относится к расследованию, — ответил Арден. — Я останусь у двери и не услышу вопрос, если вы закроете внутреннюю перегородку.

Гран явно хотел спорить, но футляр притягивал взгляд сильнее.

— Четыре минуты?

— Одна минута и один ответ, — сказала я. — Рем не оставил разговор.

— В заявке было четыре.

— В вашей заявке. Не в его разрешении.

Он отступил.

В бывшем красильном цехе стены делили деревянные перегородки. В центре стояла круглая печь, давно холодная. Высокие окна были завешены плотной тканью, а свет спускался из стеклянных труб под потолком. Безопасно — пока кто-нибудь не повернёт наружный фонарь.

На столе уже лежали документы, чернильница и две печати. Возле них сидела женщина с прямой спиной и узким серебряным кольцом на большом пальце.

— Моя дочь Илва, — сказал Гран. — Свидетель.

— Свидетель доставки не требуется, — ответила я.

— Требуется мне, — сказала Илва. — После смерти дяди отец месяц рассказывает каждому родственнику новую версию завещания.

Гран покраснел.

— Я пытаюсь сохранить дом.

— Ты пытаешься получить красильню, канал и два склада, хотя Рем оставил тебе только жилую часть.

— Откуда ты знаешь, что он оставил?

— Потому что я читала первый договор.

Между ними возникло то особенное молчание, в котором тень могла найти десяток товаров. Я подняла глаза к световым трубам. Верхний свет держался ровно.

— Семейный спор не входит в доставку, — сказала я. — Господин Лот, вы подтверждаете личность и готовность задать записанный вопрос?

— Подтверждаю личность. Вопрос изменён.

— Изменение не одобрено владельцем отражения.

— Владелец умер.

— Поэтому его разрешение нельзя переспросить.

— Рем не знал, что первый договор подменили.

Илва резко повернулась к отцу.

— Ты говорил, он потерял.

— Я сказал, что документ, который показывают Везы, может быть подделкой.

— Это другое слово.

Белая нить на запястье Ардена посерела.

Он захлопнул наружную дверь и поднял фонарь выше. Серый цвет остановился.

— Узел проверяет помещение, — сказал он. — Не скрывайте новые сведения до конца доставки.

— Как это прикажете сделать? — спросил Гран.

— Говорить только то, что готовы открыть присутствующим, или молчать, не формулируя внутри ответ.

— Очень удобный совет для Инспекции.

— Я не прошу вас раскрывать что-либо мне.

Я поставила футляр на стол, но не сняла ремни.

— Последнее подтверждение. Вопрос: кому передать мастерскую на втором этаже?

— Нет. Я спрашиваю, где второй договор.

— Тогда вручение не состоится.

Гран ударил ладонью по столу.

— Я заплатил артели!

— За доставку в пределах разрешения.

— Инспектор, откройте оболочку. Здесь спор о наследстве и возможная подделка документа.

Арден положил регистратор рядом с футляром. На его лице появилось то неподвижное выражение, с которым люди власти обычно выбирают между удобным полномочием и неудобным правилом.

— Оснований для вскрытия нет, — сказал он.

Гран моргнул.

— Вы пришли расследовать преступление.

— Попытка задать неразрешённый вопрос не даёт мне доступа к отражению.

— Тогда зачем вы здесь?

— Чтобы свет не решил за вас.

Снаружи щёлкнул механизм.

Меловая черта под фонарём разошлась. Через щель над дверью ударил боковой луч. Он прошёл по полу, зацепил ножки стола и вытянул тени всех присутствующих к дальней стене.

Моя тень осталась связанной с каблуками. Тень Илвы вздрогнула, но удержалась. От ног Грана отделился длинный синий силуэт — будто красильня помнила его моложе и выше.

Арден развернул верхний фонарь, однако луч с улицы бил сразу через три старые линзы. Одной рукой он держал свет, другой включил регистратор.

— Не вступать в сделку, — сказал он.

Тень Грана засмеялась без звука.

— Второй договор существует, — произнесла она голосом, похожим на плеск воды в пустом чане. — Я назову того, кто вынес его из архива.

Гран шагнул к стене.

— Кто?

— Цена — то, почему ты не позвал Илву в день смерти брата.

Илва побледнела.

— Отец?

— Не слушай.

— Ты знал, что дядя умирает?

Синий силуэт протянул руку. На ладони лежало маленькое тёмное имя, свёрнутое, как бумажная полоска.

— Посредник подменяет разрешения, — сказала тень. — Имя приведёт вас к нему. Всего один семейный факт.

Предложение предназначалось уже не Грану. Оно предназначалось нам.

Арден мог записать имя как добровольно выданную улику. Я могла получить путь внутрь артели. Цена казалась частной и почти справедливой: Гран явно был готов солгать дочери, а правда всё равно стояла между ними.

Но тень не предлагала правду. Она предлагала право вынуть её направленным светом.

— Мы не покупаем, — сказала я.

— Он может согласиться, — ответила тень.

— Тогда доставка закончится. Я не обслуживаю сделку секретами.

Арден опустил регистратор.

— Запись имени, полученного за скрытый факт, будет исключена как добытая принуждением.

— Ты хочешь его знать, инспектор.

— Хочу.

Он произнёс это сразу. Белая нить на его руке стала чуть светлее.

— И всё равно не возьму.

На стене рядом с синей тенью проступил второй силуэт — худой, без кольца на запястье. Тень Ардена пришла, как обещала. Она скользнула вдоль кирпичей и потянулась к свёрнутому имени.

Арден увидел её раньше меня.

— Нора, верхний свет на стену. Не на неё — между ними.

Я сняла с пояса курьерскую пластину, поймала его луч и отбросила белую полосу между тенями. Силуэт Ардена отпрянул. Тень Грана сжала имя.

— Скажи дочери, — потребовала она. — Или имя уйдёт.

Гран смотрел на Илву. Его страх был уже не тайной — все видели, что он боится. Но содержание оставалось закрытым.

— Я не позвал тебя, — выговорил он, — потому что Рем просил прийти одну Везу. Я решил, что он передаёт ей красильню, и не хотел свидетелей.

Илва закрыла глаза.

Тень раскрыла ладонь, но имени там не было. Открытый факт перестал быть платой до завершения сделки.

— Этого ты хотел? — спросил Гран у стены.

— Нет, — сказала Илва. — Этого хотел ты. Чтобы кто-то заставил тебя признаться.

Снаружи завыл привод. Арден бросился к двери, сорвал с крепления поворотную тягу и направил плафон вверх. Тени на стене сжались. Синий силуэт Грана вернулся к его ногам, всё ещё соединённый тонкой полосой у пятки.

Тень Ардена исчезла в щели между кирпичами.

На полу остался чёрный обрывок. Не имя — знак в виде пустой рамы и маленькой буквы «Т».

Я накрыла его светонепроницаемым пакетом.

— Это улика, — сказал Арден.

— Снаружи футляра. Можете регистрировать.

Он не стал напоминать, что соглашение истекло.

Гран сел. Вся его ярость вытекла вместе с признанием, оставив только возраст.

— Я задам вопрос Рема, — сказал он.

Илва подошла к двери.

— Я не обязана присутствовать.

— Останься.

— Не сейчас.

Она вышла во двор, но дверь не захлопнула.

Я снова проверила разрешение. Пломба была цела, индикатор вмешательства — чист. Боковой свет погас. Арден встал за деревянной перегородкой, откуда не мог видеть отражение и различал только мой голос.

— Гран Лот, кому передать мастерскую на втором этаже?

— Кому передать мастерскую на втором этаже? — повторил он.

Я открыла футляр.

Рем Лот появился в серебре по грудь. Он был похож на брата только линией лба. За его спиной виднелись красильные чаны, ещё полные густой синевы. Рем посмотрел прямо на Грана, дождался вопроса и поднял два пальца.

Затем повернул ладонь к приоткрытой двери.

В разрешении к жесту прилагалась одна записанная фраза:

— Илве. Если она согласится работать вместе с Везой.

Отражение погасло.

Гран не получил ни красильню целиком, ни местонахождение договора. Он получил поручение спросить двух женщин, чего хотят они сами.

— Рем знал, — прошептал он. — Знал, что они спорят.

— Возможно, — сказала я. — Отражение не отвечает на дополнительные вопросы.

Я закрыла футляр и поставила отметку о вручении.

Во дворе Илва стояла у канала. Гран вышел к ней один. Я не слышала первых слов и не пыталась. Некоторые разговоры становились честными только без курьера и инспектора.

Арден закрепил пакет с чёрным обрывком в регистраторе.

— Пустая рама — знак списанных оболочек, — сказала я. — Буква может быть инициалом.

— Или номером мастерской.

— В артели есть бывший архивист, имя которого начинается на «Т».

— Вы знаете его?

— Знаю, что Сена вычеркнула его из сменного журнала два года назад. Причину нам не сообщили.

— Поедем в архив.

— Сначала я поговорю с Сенной.

— Она уже скрыла от вас квитанцию Лиссы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.